

HARLEQUIN®

044

TM

Луиза Аллен

**ВОЗЛЮБЛЕННАЯ
ВИКОНТА**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Луиза Аллен
Возлюбленная виконта
Серия «Исторический роман
– Harlequin», книга 44

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6702839
Возлюбленная виконта: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05036-6*

Аннотация

После бегства сестер Арабелла осталась наедине с отцом. В доме викария, холодного, бесчувственного тирана, любовь, веселье, музыка – все, что наполняет жизнь радостью, – запрещены. А виконт Хэдли был так нежен и внимателен, предложил ей руку и сердце, но потребовал доказать свою любовь. И Арабелла доказала, а виконт исчез. Вскоре девушка с ужасом поняла, что беременна. В отчаянии решив потребовать защиты и помощи для себя и будущего ребенка у виновника своего положения, она отправилась в поместье Хэдли...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	17
Глава 2	32
Глава 3	46
Глава 4	60
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Луиза Аллен

Возлюбленная виконта

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Vicar's Daughter to Viscount's Lady

© Melanie Hilton 2010

«Возлюбленная виконта»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

12 февраля 1814 г.

«Если Джеймс по-настоящему любит тебя и собирается жениться, я найду способ помочь». Пять лет назад Арабелла Шелли пообещала это своей сестре Мег, а затем помогла той бежать с возлюбленным детства Джеймсом Халгейтом, сыном местного сквайра.

Минуло девять месяцев с тех пор, как Арабелла, обняв плачущую младшую сестру Селину, заверила ее в том, что и ей поможет, если удастся, покинуть дом, избавиться от тирании пуританина отца, считавшего всех женщин сосудами греха, достойными ежовых рукавиц. Так он оберегал их от соблазна.

Мечтательная Мег и впечатлительная Лина совсем пали духом, видя подобное отношение отца, и тосковали по веселью и музыке, цветам и книгам. И любви. «О да, они все тосковали по любви», – думала Белла, опуская на землю лейку, из которой поливала оловянные кувшины с зеленью, расставленные вокруг купели. Викарий с большой неохотой разрешил поставить цветы в суффолкской церкви, однако плющ и мрачная листва непременно будут напоминать прихожанам о кладбище, которое ждало их всех, ибо они грешники.

Белла устроилась на ближайшей скамье, не обращая внимания на холод, который проникал от каменного пола сквозь

сапожки к ее ногам. Она пыталась заглушить чувство вины перед Линой, которой не удалось помочь осуществить задуманное. Так и не получив никакой помощи от Беллы, та покинула дом, оставив лишь обрывок письма от тети, сестры покойной матери, о существовании которой ни одна из сестер не ведала до тех пор, пока Лина не обнаружила спрятанное письмо от нее.

Викарий вымарал имя Лины в семейной Библии. Ранее он так же поступил с именем Мег. Если сестры писали ей, он перехватывал письма и уничтожал их. Белла тешила себя надеждой, что, если вдруг кто-то из них умрет, отцу не хватит духу скрыть печальное известие. Иногда она уже не надеялась, что те еще живы и здоровы.

Белла потеряла болевшую спину и пыталась забыть рыдания Лины, когда та получила нагоняй из-за того, что разговаривала с младшим приходским священником. «Отец заявил, что я девица легкого поведения, обитель порока и ввожу в заблуждение мистера Перкинса! Как же вообще найти суженых и выйти замуж, если нам даже не разрешается говорить с младшим приходским священником отца?»

На подобный вопрос нашелся лишь один ответ – одному богу известно. Но Белла знала, ее судьба уже предрешена, ей в двадцать пять лет суждено стать опорой отца в старости. Отец повторял это слишком часто, он нисколько не сомневался, что старшая дочь должна лишь выполнить свой долг перед родителем.

Приятный отец – одно дело, но назойливый викарий-святоша, каким был его преподобие Шелли, – совсем другое. Арабелла лелеяла надежду на то, что глуповатый мистер Перкинс найдет одну из них достаточно привлекательной и предложит ей руку и сердце, однако после стычки, вспыхнувшей, когда Лина сказала ему несколько резких слов, догадалась, что тот не рискнет пойти на разрыв с викарием ради одной из сестер.

Младшие сестры не вынесли гнета и безрадостной жизни в доме викария. Хорошо, что те убежали, ибо она, рассудительная сестра, лучше всех справлялась с отцом, который с каждым годом становился все подозрительнее и несноснее. Теперь, когда младших сестер нет рядом, ей некого защищать, остается лишь беспокоиться за них. Пора уже смириться с тем, что ее жизнь пройдет в стенах дома викария. Да, Арабелла последует долгу, выпавшему на долю невзрачной дочери викария, старой девы.

Что-то зашекотало губу, она облизнула ее и почувствовала соленый вкус. Если сидеть здесь и плакать, это ни к чему не приведет. Невыполненных обязанностей станет лишь больше. К тому же она *никогда* не плакала. Какой смысл?

Белла вытерла глаза и заглянула в блокнот, висевший в конце старомодной цепочки на поясе. «Пожаловаться мяснику по поводу баранины, починить стихарь, собрать шитье для дамского кружка, перелицевать простыни. Церковная зелень?» Это можно вычеркнуть. По щеке покатилась

еще одна слеза, которую она смахнула, размазав карандашные записи и прикусив губу, и взяла себя в руки.

Иногда Белле казалось, что она этого больше не выдержит. Ей нужно увидеть сестер или хотя бы получить весточку от них. Хотелось их обнять, посмеяться, почувствовать тепло. Она нуждалась в любви.

Белла подняла оставшиеся ветви плюща и потащила тяжелую лейку назад в ризницу. Когда-то она мечтала о том, как за ней явится любимый. Рыцарь в сияющих доспехах. Галантный вельможа. И унесет ее, и станет нежно любить.

«Детские надежды», – вздохнула она мысленно, застегнула шубку и надела перчатки. Сказки не сбываются, наивно в них верить, ибо пробуждение от мечтаний приводит к горькому разочарованию. Белла заперла ризницу и вышла через южную дверь, ведущую к крытому проходу на кладбище. Тут она остановилась. Дальше шла тропа к дороге на Ипсуич¹, к свободе. Ей никогда не суждено выбрать эту дорогу.

Белла спохватилась, что забыла корзинку. Стоит ли возвращаться за ней? Она чуть повернулась, когда чей-то голос спросил:

– Это Нижний Лиминг, мадам?

– Нет, это Мартинсен. – Она оглянулась. Со скамьи, расположенной в тени у ворот с навесом, поднялся незнакомый человек.

---

¹ Ипсуич – административный центр графства Суффолк. (Здесь и далее примеч. пер.)

– Нижний Лиминг на той... стороне, – сказала Белла замирающим голосом.

Голубые глаза незнакомца разглядывали ее с интересом, чувственный рот растянулся в приветливой – или ей показалось? – улыбке. Высокий элегантный незнакомец казался безмятежным. Незамысловатая куртка для верховой езды выглядела дорого, на безымянном пальце поблескивал перстень с неограненным рубином. Незнакомец взмахнул рукой, в которой держал перчатки и хлыст, и приподнял шляпу. Белла заметила каштановые блестящие волосы, подстриженные по моде, невиданной в этом сонном захолустье.

– Спасибо, мисс... – От его тона по ее телу пробежала холодная дрожь.

– Шелли, – выдавила она. – Мой отец здешний викарий.

Сказав это, она бросила тревожный взгляд в сторону тропинки к дому, будто орлиный взор отца, расположившегося в своем кабинете и писавшего воскресную проповедь, мог проникнуть сквозь изгородь.

– Я Рейф Кэлн, мисс Шелли, виконт Хэдли. – Он поклонился, будто перед ним прекрасная леди, а они оба в Гайдпарке. В ответ Белла с трудом присела в неуклюжем реверансе. – Я гость Маркуса Донта, моего хорошего друга, который живет в Лонг-Фаллоу-Холл, и, должен признаться, совершенно заблудился.

– В таком случае вам надо ехать по дороге, ведущей в Нижний Лиминг. – Белла порадовалась, что способна чле-

нораздельно сказать нечто разумное. *Виконт, вот это да!* – Эта дорога идет мимо гостиницы «Король Георг», утинового пруда, где вам надо будет выбрать левую развилку. Если пойти через церковное кладбище, дальше будет тропа. Срежете угол, вон там, за кустом остролиста.

– Вы не покажете мне дорогу, мисс Шелли? Я почему-то всегда умудряюсь сбиваться с пути.

– Я?

Но незнакомец уже привел большого вороного коня, привязанного у тропинки. Он предложил Белле руку, и та приняла ее, не найдя слов отказать ему.

– Знаете, мисс Шелли, должен признаться, я впал в хандру. Мне надлежит отдыхать. В последнее время мне что-то нездоровится, здесь скучно, я никак не могу обрести покой. Бедный Маркус не знает, что со мной делать. Вот я и решил совершить верховую прогулку, заблудился и обнаружил эту очаровательную деревню и вас. Мне сразу стало лучше.

Следовало ли ей понимать эти слова так, будто ему стало лучше из-за нее? Нет, ни в коем случае. Мартинсден – живописное место. Известно, что здесь останавливались художники и делали зарисовки. Белла глубоко вдохнула, пытаюсь успокоить трепещущее сердце, и старалась не замечать, что незнакомец крепко держит ее руку. Она уже чувствовала тепло его тела, несмотря на ветер.

«О боже, – подумала она. – Мечтая наяву, я не должна забывать, что рядом со мной настоящий герой-аристократ».

Тропа была короткой, скоро они достигли пруда.

– Ехать надо сюда, милорд. – Белла указала рукой.

– Пожалуйста, зовите меня Рейфом. Вы ведь спасли меня. – Он поднес руку Беллы к губам и поцеловал кончики ее пальчиков. – Можно мне узнать ваше имя?

– Арабелла... Белла, – запинаясь, ответила она.

– Белла, – тихо повторил он. – *Belle*². Прекрасная леди.

– Что вы, – возразила она. Здравый ум пришел на помощь. – Милорд, не разыгрывайте меня.

– Рейф, – тихо напомнил он.

– Рейф... вы ведь...

– Мне кажется, вы недостаточно внимательно смотрите на себя в зеркало, *bellisima*³. – С завидной легкостью Рейф Кэлин запрыгнул на крупного коня и улыбнулся ей. – До новой встречи.

Словно во сне, Белла добралась до мясной лавки и забыла, ради чего она пришла, потом заглянула в блокнот, после чего направилась домой, чувствуя себя так, будто ее оглушили ударом по голове. С ней заигрывал настоящий виконт. С ней. Он ведь заигрывал... она не так глупа, чтобы не понять этого.

– Арабелла!

– Да, папа?

---

² Красивая (*ит.*).

³ Самая красивая (*ит.*).

– Где ты была? – Викарий не потрудился встать и подойти к двери. Белле пришлось войти в его кабинет и отчитаться, что она делала последние два часа. О виконте она и словом не обмолвилась.

«Это было бы не совсем разумно», – подумала она, входя в кухню проверить, готовит ли повар обед. Она меньше всего думала о том, что можно легко испортить тушеное мясо с клецками, вареную капусту и яблочный компот.

* * *

В субботу Белла отправилась в церковь посмотреть, собраны ли молитвенники после венчания, приведена ли в порядок ризница. Еще у одного стихаря оторвался край. Видно, приходской священник решил, что тот больше не пригодится. «Как и стихарь отца, его вполне можно привести в порядок». Она забрала испорченную книгу и опустила в корзину.

Затем не пошла напрямик домой, а стала расхаживать по тропинке, где остались следы сапог Рейфа. Рядом с ее маленькими отпечатками ног те казались огромными. Белла наступила сначала на один его след, потом на другой, подумав, какой же у него крупный шаг. Длинные ноги и широкие плечи незнакомца внесли некоторую сумятицу в ее мечты.

– Белла. – Рейф оказался рядом на своем крупном скакуне, у ног которого метались утки фермера Раджа.

– Милорд! – Он взглянул на нее. – Рейф.

Он спрыгнул с коня, Белла огляделась, вблизи никого не было.

– Белла, вас что-то беспокоит? – Он взял ее за руку.

– Я... – Следовало бы отнять руку, но она этого не сделала. – Отец не разрешает мне разговаривать с незнакомцами. Мне нельзя находиться здесь вместе с вами.

– Обидно слышать. – Рейф помрачнел, голубые глаза потемнели. – Мне хотелось поговорить с кем-нибудь, вы показали мне... Но если вам запрещено, я уеду.

– Поговорить? О чем? – Белла не отняла руку.

– В этом тихом месте я смог трезво оценить свою жизнь. Она бесполезна, пуста. Развлечения, деньги. Белла, знаете, я грешник. – Он говорил серьезно, заставив ее взять себя под локоть, медленно шагая по тропинке, удаляясь от деревни. Конь последовал за ним.

– Вы говорите серьезно?

– Конечно. И тут я увидел вас, чистую, наивную, преданную своему долгу. Белла, мне хотелось бы перенять частичку вашей доброты.

– Вам просто надо захотеть стать добрым, – возразила она.

– Вы довольны своей жизнью? – спросил Рейф. Белла не нашлась с ответом, но ее щеки предательски покраснелись, она поняла, что он это заметил. – Похоже, вы не совсем довольны?

И Белла рассказала ему о том, как изменился с течением времени отец, мама умерла во время поездки в Лондон, а Мег и Лина сбежали. Рейф смахнул слезу с ее лица и поцеловал. Мимолетный робкий поцелуй. Он хотел лишь утешить Беллу, но у нее закружилась голова.

В воскресенье Рейф пришел в церковь. Склонил голову, был серьезен и внимателен. После этого они встречались каждый день. Рейф всегда был предупредителен, осторожен. Долгие прогулки стали яркими событиями в ее сером существовании. Она рассказывала о своей жизни и поведала, сколь трудно жить вместе с отцом, выразила сочувствие Рейфу, который пожаловался на свою лондонскую жизнь.

На восьмой день Рейф поцеловал Беллу, но не с целью утешить. Он даже не думал об этом, а поцеловал со страстью любовника. Белла прильнула к нему. Ее влек жар его тела, сила и обаяние.

– Белла, я люблю вас, – тихо сказал Рейф, зарывшись лицом в ее волосы. Их дыхания слились в бодрящем воздухе февраля. – Станьте моей.

– Вы должны поговорить с папой, – заикалась Белла. У нее закружилась голова от осознания того, что ее мечта становилась явью. За ней явился ее рыцарь.

– Я должен вернуться в Лондон, – сказал Рейф, – и посоветоваться со своими адвокатами. Попрошу их составить брачный контракт. Тогда ваш отец будет точно знать, на что я готов пойти ради вас. Вернусь, прихватив с собой служан-

ку, которая станет ухаживать за ним. Если она не подойдет, ваш отец сможет выбрать другую кандидатуру.

– Не лучше ли нам сначала поговорить с ним? Мне не хотелось бы обманывать его, – возразила Белла.

– Моя дорогая, ваш отец, видно, очень тяжелый человек, и я, должен признаться, напоминаю повесу, на которого он посмотрит с большим подозрением.

– Но вы ведь уже исправились, – возразила Белла.

– Да, благодаря вам. – Рейф погладил ее. – Но отец поверит мне больше, если увидит брачный контракт и кольцо, которое я привезу с собой. Он поймет, что его и ваши интересы соблюдены и сколь выгодно иметь своим зятем виконта Хэдли. Может, он пожелает заполучить более удобный приход? Думаю, по этой части я сумею кое-кого уговорить.

– О Рейф! Вы это сделаете? Возможно, отец считает, что жизнь не удалась, ведь он так и не получил повышения. А если бы получил, стал бы довольным и более сносным.

– Ради вас, моя любовь, я стану кланяться любому епископу королевства. Кроме того, я разыщу ваших сестер.

– Рейф. – Белла крепко, но неуклюже поцеловала его.

– Леди Хэдли. – Рейф улыбнулся и вдруг стал серьезным. – Вы действительно станете моей женой? Я не заслуживаю вас. Наверное, вы передумаете, стоит мне только уехать.

– Нет! Никогда. Я люблю вас.

– Белла, тогда станьте моей. Докажите, что вы доверяете мне.

– Но... разве можно до свадьбы? – с тревогой спросила смущенная Белла.

– Вы не доверяете мне. Я так и знал. Мог ли я ждать другого ответа? – Он отвернулся. Его лицо стало серьезным. – Я уезжаю. Так будет лучше. Нам не суждено стать мужем и женой, если вы мне не верите. Я думал...

Рейф сделал отчаянный жест рукой, Белла схватила ее.

– Рейф, я доверяю вам. Конечно, я верю вам. Можете не сомневаться в этом.

Рейф обнял ее, впившись горячими губами в ее уста. Его руки были крепки и действовали уверенно. Он широкими шагами направился в сторону амбара.

Глава 1

23 мая 1814 г.

Пришлось долго трястись в экипаже под мелким дождем, а прогулка пешком дала Белле больше времени на размышления. «Рейф должен выслушать меня, – отчаянно твердила она про себя. – Пусть не отвечал на мои письма, но не может же он отказать мне в помощи, если я встречу с ним лицом к лицу». Прошло три месяца с тех пор, как она лежала на сене в амбаре вместе с ним и чувствовала, как бьются их сердца.

Теперь ее мучили дурные предчувствия, и было не совсем хорошо, душил страшный гнев. Она сердилась и на себя, и на него, поскольку поверила ему. Ей так хотелось быть любимой. Белла хорошо знала, чего хотела, и, когда ей улыбнулось счастье, не упустила случая, совершила грехопадение, сразу и без оглядки поверив Рейфу. И угодила в сети, расставленные опытным и бессовестным повесой. А сейчас носила его ребенка под сердцем. Падшая женщина. Пропадающая женщина.

«Только не это, – молила она на ходу. – Не дай ему Бог потерять совесть. Пусть все скоро образуется. Ах, дитя, прости меня. Мне так стыдно. Если он не поможет мне, я не знаю, как поступить. Тогда я не знаю, как ухаживать за тобой. Но позабочусь о тебе. Как бы ни повернулась судьба».

Белла так устала от беременности, от поездки, от страха.

В Лондоне Рейфа не оказалось, в его красивом доме в Мейфэре было темно, на стук никто не вышел. И она приехала в большое имение, о котором Рейф рассказывал. Он вскружил ей голову, рисуя картины будущей жизни, когда она станет его женой. Его виконтессой. Белла спросила в сторожке, у себя ли его светлость, и получила утвердительный ответ.

Шагая, она вспоминала его. Несколько блаженных дней, когда сияла от счастья. Рейф Кэлн, виконт Хэдли. Высокий, красивый, элегантный мужчина с каштановыми волосами и голубыми глазами, взгляд которых проник в ее сердце и душу. Рейф Кэлн, ее любовник и соблазнитель. Белла так легко влюбилась и бросилась в его объятия, в вихре бурных чувств напрочь забыв о добродетели и скромности. Она мечтала о сказочном мире, отчаянно жаждала волшебной жизни и, казалось, добилась своей цели. Она безоговорочно поверила в свое счастье. Теперь приходится нести наказание за свои мечтания.

От таких пропащих женщин, как она, ожидали, что те бросятся в реку, придавленные невыносимым бременем стыда. Обнаружив, что в доме никого нет, Белла направилась к Темзе. Поглядела на кружившуюся темную воду, но не стала впадать в отчаяние. Она что-нибудь придумает.

Белла носила в себе дитя, и ничто, пока хватит сил, не причинит ему зла. Все равно, что произойдет с ней, дитя должно быть обеспечено всем.

У Беллы промокли и озябли ноги. Рейф не очень заботил-

ся о подъездной дороге. Белла глубже натянула капюшон и потрясла ногой, которой ступила в наполненную водой рытвину. Хотя человек он занятой, сам говорил. Разумеется, должным образом не присматривал за своими работниками. Рейф был занят соблазнением других несчастных наивных девиц или заигрываниями с какой-нибудь знатной леди.

Дорожная сумка назойливо задевала колено Беллы. У нее занемели пальцы. После первого мая наступила скверная погода. Такой день никак не благоприятствовал трехмильной прогулке по сельской местности на голодный расстроенный желудок. Наверное, это наказание за то, что она решила ехать в воскресенье, еще один грех в ряду прочих, которые она совершила столь безрассудно. Подъездная дорога сворачивала в сторону у переросших кустарников. А вот и красивый, даже в плохую погоду, дом, старый Хэдли-Холл, низкий, золотисто-коричневого цвета. Он должен был стать ее новым жилищем.

У парадной двери Белла расправила плечи и громко постучала молоточком. «Дыши глубже, дыши спокойно». Он удивится, когда увидит ее, поразится тому, что она приехала одна, разозлится, узнав, чего хочет. Белла нисколько не сомневалась в этом.

Дверь открыл дворецкий, его лицо говорило красноречивее всяких слов. Белла стояла под крышей высокого крыльца, с нее капала вода. Она не знала, какого цвета ее нос – красный или синий, лишь представила, что выглядит ужас-

но. Наконец дворецкий обрел дар речи:

– Мисс?

– Добрый день. – Дворецкий прищурился, услышав ее приятный голос. Его лицо сделалось бесстрастным. Белла глубоко вдохнула и попыталась собрать в кулак остатки спокойствия. Она вообразит, что этот дворецкий – продавец в мясной лавке, а она пришла снова пожаловаться на мясо. – Я желаю видеть лорда Хэдли.

– Его светлость никого не принимает.

– Лорд Хэдли пожелает увидеть меня, принимает он или нет. Будьте добры, сообщите ему, что пришла мисс Шелли. – Она шагнула вперед, и дворецкий, застигнутый врасплох, попятился назад. – Благодарю вас. Я подожду в салоне, хорошо? – Белла бросила дорожную сумку на пол у двери.

Дворецкий взял ее промокший плащ и уже собирался швырнуть его куда-нибудь, но, услышав голос этой женщины, заметив уверенность и приподнятую бровь, провел в комнату для гостей.

– Я доложу его светлости о вашем приезде.

Белла и не надеялась, что он предложит странной гостье чашку чая. Она посмотрела на атласную обивку и решила не садиться мокрыми юбками, хотя у нее тряслись ноги. Она принялась разглядывать картины на стене.

Белла едва успела разглядеть первую, как вернулся дворецкий.

– Мисс Шелли, его светлость примет вас в своем кабинете.

Комната чуть накренилась. «Рейф, наконец-то. Боже, прошу тебя. Дай мне сил. Не позволяй ему совсем забыть о жалости».

– Благодарю вас.

Кабинет располагался в северной стороне дома. Там царил мрак. В камине мерцал огонь, единственный свет от лампы с зеленым абажуром падал на бумаги, лежавшие на столе. Свет выхватывал очертания Рейфа, скулы, сверкавшие глаза. Он встал.

– Мисс Шелли.

Он говорил так холодно, так спокойно. Наверное, опасался, что вернется дворецкий. Его голос звучал еще ниже. Наверное, ее появление застигло его врасплох. Похоже, не рассердился. Это еще впереди. Белла уже испытала его гнев, негодование, вспыхивавшее всякий раз, когда она пыталась возразить ему.

– Рейф... Милорд, я была вынуждена приехать.

Белла шагнула к нему, но он поднял левую руку и указал на кресло. Огонь в камине выхватил знакомый перстень с неограненным рубином. Эта рука медленно опускалась ей на грудь, живот и двигалась дальше.

– Благодарю, я постою. – Он тоже не сел. За столом виднелись его смутные очертания. Белла так заволновалась, что не могла сесть. – Вы явно не ожидали меня.

– Верно. – В голосе Рейфа все еще не слышалось гнева. Холодность и отстраненность хуже всего. Казалось, он ее не

знает.

Белла ощутила приступ боли от дурных предчувствий и устыдилась того, что оказалась в таком положении.

– Бросив... меня, вы ясно дали понять, что больше не желаете меня видеть. – «Глупая маленькая сентиментальная дуручка. Неуклюжая сельская девица. Кроме как молиться, стоя на коленях, ты больше ничего не умеешь, легкодоступная, доверчивая, тебя взяли без всяких усилий!» Рейф дал ей пощечину, когда она разрыдалась.

И вдруг он шевельнулся, правда, затем застыл, по-прежнему стоя за столом.

– Тем не менее вы здесь.

В его голосе она не уловила никаких эмоций. Казалось, его смутные очертания раскачиваются. Надо дышать, помолчать какое-то время, пока улягутся стыд и подступавшая тошнота. Рейф вынудит ее рассказать обо всем, хотя даже не попытается помочь ей начать разговор.

Белла почувствовала дрожь в ногах, но устояла. Происходило нечто ужасное, оправдывались самые мрачные ее опасения. Какой же он такой холодный, чужой! «Он отвергнет меня».

– Рейф, у меня будет ребенок. *Наш ребенок.*

– Понимаю. – Он говорил поразительно спокойно. Белла ожидала чего угодно, гнева, злости, крика. Но лишь свет, от которого вспыхивал рубин, говорил о том, что перед ней стоит человек.

– Вы обещали жениться на мне, иначе я никогда не стала бы... никогда... Я помню, что вы говорили, когда мы расстались, но сейчас, Рейф, нам следует подумать о ребенке.

Она почти чувствовала, как от него исходят непонятные волны, свидетельство того, что его холодный тон – откровенное притворство. Она не понимала его, испытывая лишь гнев, приступ которого старалась подавить. Белла втянула воздух и нерешительно ухватила за спинку ближайшего кресла.

– Вы уверены, что у вас будет ребенок? – Низкий бесстрастный голос обескураживал больше, чем слова. Рейф всегда смеялся, шептал разные нежности. А перед расставанием дерзил и старался уколоть ее. Но не разговаривал так, как сейчас.

– Конечно, Рейф! Рейф... – Белла сделала еще шаг к нему, но он поднял руку, и она застыла.

Повисла пауза. При свете лампы она заметила, что он наклонил голову, точно раздумывая о чем-то. Потом поднял голову.

– И вы явились сюда в надежде выйти замуж за Рейфа Кэлна? Этого не произойдет, будет ребенок или нет.

Комната поплыла перед ее глазами. Она ухватила за кресло, как утопающий за соломинку. Однако рыдать или возражать не стала. Она ожидала такой поворот и готовилась к нему. Нерешительность исчезла, и Белла ощутила прилив сил, вдруг обрела смелость, силу духа и ледяное спокой-

ствие. Слезы потом, по этой части у нее достаточный опыт с тех пор, как узнала, что забеременела. Теперь же думать только о ребенке. Что будет с ним?

– Вы ответственны за этого ребенка. – Белла досадовала, что у нее дрожит голос. Не хотелось обнаруживать свою слабость. – Вы обязаны позаботиться о нем, даже если я стала вам безразлична. Это ваша моральная обязанность. – Она станет изо всех сил бороться за своего ребенка. Теперь ее чувства и надежды на счастье больше не имели значения. Надо сражаться, как бы ни ранили ее слова Рейфа. Какими бы грязными ни были обвинения. Неужели он мог бы сделать хуже того, что уже случилось?

– Мисс Шелли, ситуация гораздо сложнее, чем вам представляется, хотя я не могу винить вас в том, что вы видите ее в черно-белых тонах. – Ответить она не успела, Рейф вышел из-за стола.

Белла следила за ним. Мягкий свет выхватил его лицо, рубин, голубые глаза, золотистые волосы цвета потемневшего меда.

– Вы не Рейф. – Белла тяжело опустилась в кресло. У нее вдруг подкосились ноги.

– Да, я не Рейф, – подтвердил он. – Я его брат Эллиотт. Рейф умер десять дней назад от перитонита. Вы справлялись о Хэдли, этот титул сейчас принадлежит мне.

Белла лишилась дара речи. Рейф умер. Отца ее ребенка нет. Умер мужчина, ради которого она пожертвовала своими

принципами и честью. Белла смутно почувствовала, что не испытывает ни удовлетворения, ни желания плакать. Лишь боль. Она осторожно опустила руку на сведенный судорогой живот. Надо беречь силы ради ребенка.

Лицо незнакомца, во многом напоминавшего Рейфа, оставалось бесстрастным. Он принялся расхаживать по комнате, зажигая свечи. Белла пыталась успокоиться. Необходимо что-то сказать, иначе он посчитает ее не только распутницей, но и пустоголовой. Она отдала свое целомудрие его брату и теперь вынашивала незаконного ребенка. Этот человек станет презирать ее. Все трезвомыслящие люди будут презирать ее. Она знала это. Для женщины любовь не оправдание.

– Выражаю свои соболезнования. Вы понесли утрату, – выдавила она.

Он подошел и сел напротив нее, скрестил длинные ноги и столь же непринужденно и элегантно, как Рейф, откинулся на спинку кресла. «Рейф мертв», – твердила она, путаясь в мыслях. Рейф, мужчина, которого она любила, умер. Предал ее. Белле пришло в голову, что другая женщина обрадовалась бы его кончине, но она не могла. Чувствовала опустошенность.

– Благодарю. – На лице лорда Хэдли наконец-то промелькнуло подобие какого-то выражения. Оно напряглось, будто его настиг приступ мигрени.

– К сожалению, должен признать, мы не были близки. Вы любили моего брата?

Неожиданный поворот. Этот брат, тень ее возлюбленного, и не собирался ходить вокруг да около.

– Разумеется, любила. – (Его губы скривились в явной попытке улыбнуться.) – Уверена, вы считаете меня аморальной, распутной, – сказала Белла, раздраженная его ироничным тоном. – Но я любила его. Думаю, он тоже любил меня. Мне было трудно. Отец не разрешил бы мне выйти замуж. Я знала это. Мы должны были хранить нашу любовь в тайне.

Существовала ли какая-то логика в том, что она говорила? Язык обгонял мысли. Она понимала, такие слова могли вызывать недоумение. Как объяснить суть возражений против ее брака с виконтом, к которым может прибегнуть сельский викарий?

Казалось, он не осуждал ее, лишь держался отстраненно.

– Понимаю. Вы уверены, что чувства моего брата были искренними?

– Конечно. – Белла покраснела в удивлении. Она ведь уже переступила грань, за которой девичья скромность неуместна. – Он был таким ласковым, страстным и неотразимым. – Ей следовало говорить откровенно, нет смысла скрывать свои чувства от этого человека. – Я думала, что никогда не смогу покинуть Мартинсен, – тихо продолжила она. – Но мечтала, и моя мечта сбылась, виконт влюбился в некрасивую дочь викария. По меньшей мере, так казалось.

– Вы некрасивы? – Эллиотт наклонил голову и пристально всмотрелся в ее лицо. – Сейчас ни одна леди не смотрелась

бы лучше вас. Я воздержусь от суждений. – Он посмотрел весело, в ее душе все перевернулось. Те же глаза, что у Рейфа, только посажены глубже и смотрят пристальнее. Одни глаза Рейфа были способны соблазнить ее. Не надо было никаких слов. От этих глаз у нее перехватило дыхание. Белла поразила тайной силе их воздействия. – Извините, сейчас не время для легкомысленных разговоров. – Эллиотт снова стал серьезным. – Очевидно, вы обнаружили, что ошиблись в нем? – спросил он с сожалением, но без удивления.

«Должно быть, он знал, что его брат повеса», – подумала она. Однако говорил о нем с любовью. Этот несчастный мужчина переживает смерть близкого человека. Она не могла излить перед ним гнев и недовольство. Дела и так обстояли скверно. Ему ни к чему выслушивать подробности.

Белла подумала, что ей станет дурно. Она слышала, что с беременными женщинами по утрам случается тошнота, а затем постепенно проходит. Она действительно большую часть времени чувствовала подступающую к горлу тошноту, быстро уставала и постоянно испытывала жажду. Отчаянно хотелось в туалет. К груди было больно прикасаться, ноги и спина болели. До родов оставалось шесть месяцев. «Извини, дитя, – сказала она про себя. – Это не твоя вина». Она коснулась расстроенного живота, тот был столь же плоским, что и прежде.

– Вам плохо. Мне следовало позаботиться о прохладительных напитках, но эта новость застала меня врасплох. На-

верное, надо принести чай? И печенье? Моя кухня Джорджи говорила, что это помогает при тошноте.

Эллиотт оказался сообразительным. И добрым. Он в самом деле таков или ему просто надоело, что беременной несчастной женщине стало плохо в его кабинете? Белла широко раскрыла глаза и принялась изучать его худое лицо. Он тоже смотрел на нее. Не улыбался, казался уставшим и довольно угрюмым. Он не только потерял брата, на его плечи легло множество забот, а тут еще она с неприятными новостями.

– Благодарю вас. Это было бы весьма кстати. – Как успокаивала вежливость или хотя бы ее внешнее проявление. В душе ей хотелось рыдать и кричать. Рейф умер, ее дитя осталось без отца, а она не могла вернуться домой. Поможет ли ей этот мужчина, или его доброта исчерпывалась чаем и печеньем? – Здесь ведь... вы женаты? Если леди Хэдли...

– Я не женат. – Растаяла надежда на поддержку в лице сочувствующей женщины. Вопрос Беллы либо ее видение брака, видно, позабавил его. Наверное, он такой же повеса, как и брат. Но вряд ли может навредить ей больше, чем тот.

Эллиотт Кэлин дернул за шнурок звонка и ждал. Видно, чувствовал себя хорошо в образовавшейся паузе. Он привык жить в одиночестве или же отчаянно соображал, как поступить с ней, потратив как можно меньше денег и избежав скандала?

Вошел, улыбаясь, дворецкий. Кто бы он ни был, Белла по-

няла, тот не подвержен дурному настроению. В уголках глаз от смеха собрались морщинки, улыбка не просто дежурное проявление вежливости.

– Хенлоу, пожалуйста, отведите мисс Шелли к миссис Найт. Ей понадобится спальня, чтобы привести себя в порядок и отдохнуть. Велите принести ей чай и печенье. Мисс Шелли, встретимся за ужином, который у нас подают в семь часов. Мы здесь живем как принято в провинции.

– Благодарю вас, лорд Хэдли, однако не могу остаться здесь, это не совсем...

– Прилично? Да, вы действительно не можете остаться здесь. – Эллиотт снова улыбнулся, будто перед ним все еще леди, а не падшая женщина, брошенная братом. Нет, она не сможет воспользоваться словами, которые Рейф обрушил на нее. Они ранили, точно острые лезвия. – Мы поговорим об этом за ужином.

* * *

Эллиотт устроился с книгой, которую даже не пытался читать, у камина в маленькой столовой. После разговора с Беллой ему захотелось покинуть кабинет, где царила тяжелая атмосфера, порожденная несчастьем и отчаянием. «Боже, Рейф. Что ты натворил на этот раз?» Многие годы, всю подростковую и взрослую жизнь, он надеялся, что старший брат исправится, станет тем, кем, по глубокому убеждению

Эллиотта, должен стать.

Ему хотелось любить брата, как это было в детстве, но никак не удавалось преодолеть барьер презрения, который Рейф воздвиг перед ним. Он знал, что тот швырял деньги, вел разгульный образ жизни, бегал за женщинами. Его беспокоило здоровье Рейфа. Он пытался заговорить с ним, когда они случайно встречались в городе, но брат всегда поджимал губы и проходил мимо.

– Ты прожигатель жизни, – с издевкой говорил тот. – Спорт, стройная фигура, приятельские отношения, пока вы боксируете, вышибая друг другу мозги, пустая трата времени на скачках. Но, забывая о мышцах и лошадях, ты так серьезно увлекаешься своим чертовым именем и репой, что мне приходит в голову, будто я имею дело с незаконнорожденным сыном фермера Джорджа. Никогда не думал, что сам король заглядывает под юбки нашей матери, однако...

Эллиотт ударил его прямо в челюсть, послав в нокдаун. После этого они едва замечали друг друга. Время от времени смущенный приятель информировал, что Рейф оскорбил престарелого лорда или за ломберным столом раздел до нитки очередного дворянского отпрыска. Правда, на следующий день спускал весь выигрыш. Все знали, что Эллиотт никак не может повлиять на ситуацию.

Иногда он чувствовал себя старшим братом, и это угнетало. Хотелось жить полной жизнью, не беспокоясь о том, что его не касается. Однако пустое времяпрепровождение Рей-

фа снова и снова вызывало гнев.

А потом еще и женщины. Рейф содержал не одну любовницу и актрису. Эллиотт сомневался в том, что брат обращался с ними хорошо, когда те приедались. Но те женщины владели своим ремеслом профессионально. А вот невинные особы более высокого положения? Должно быть, мисс Шелли первая. Дай бог, единственная.

Рейфу было мало соблазнить и погубить ее, он ухитрился сделать ее беременной. Бездумный, беспечный глупец. Ему следовало жениться на ней. Эллиотт смотрел на пламя. Она могла бы сделать из него человека, спасти. Ему не нужен этот проклятый титул, ему хотелось жить своей жизнью, вернуть брата целым и невредимым, устроенным, свободным от злых демонов.

Глава 2

– Милорд. – Белла оказалась в небольшой уютной столовой, а не в огромном помещении, какое она представляла. Лорд Хэдли поднялся с кресла близ камина, отложил закрытую книгу.

– Добрый вечер, мисс Шелли. – И снова та же улыбка, непринужденная, несмотря ни на что. Возникло ощущение, что это дается ему легко. Он следил за Беллой, казалось видя в ней женщину, и в других обстоятельствах вполне мог бы заигрывать с ней. Однако Белла не почувствовала никакой угрозы. – Полагаю, вы отдохнули и чувствуете себя лучше. – Он направился к стулу, расположенному во главе маленького прямоугольного стола, лакей выдвинул еще один напротив Эллиотта. Белла присела, лакей расправил для нее салфетку.

За ней ухаживал доброжелательный дворецкий. Забрал ее промокшую одежду, нашел удобный халат, укутал ее одеялами, принес чай и печенье. Сама того не ожидая, Белла крепко проспала почти два часа.

Ни дворецкий, ни горничная, пришедшие разбудить и одеть ее, не удивлялись тому, что она явилась сюда в столь ненастную погоду. Как ни странно, удобства и роскошь, ненавязчивое, без расспросов, обслуживание подействовали на нее гипнотически. Это продлится не очень долго, но она восстановит силы, столь необходимые для борьбы с ощущение-

нием вины и отчаянием, с противостоянием общественному мнению.

Белла проснулась, зная, что предстоит сделать для будущего ребенка. Да, Рейф умер, однако это не значит, что стоит отказываться от плана, который она придумала с самого начала на случай, если он откажется жениться на ней. Белла в этом почти не сомневалась. Неловко оттого, что придется делать это сейчас, однако она, пока отдыхала, решила проявить железную волю и сделать все возможное, чтобы защитить ребенка даже за счет человека, который никак не причастен к этому.

– Я чувствую себя намного лучше. Спасибо, милорд.

Стоял дождливый майский вечер. Было семь часов. Соблазнитель, отвергший ее, умер. Она осталась среди чужих людей практически без гроша в кармане. Белла подавила нарастающую панику. Не могла же она говорить при лакее.

– Харрис, подай суп и оставь нас. Если понадобится, я позвоню.

От вкусных запахов у Беллы от голода чуть не закружилась голова. Потребовалось немало усилий, чтобы есть суп без спешки. Хотелось взять тарелку и осушить ее. Наверное, прошли уже сутки с тех пор, как она отведала приличную пищу, однако остатки гордости требовали, чтобы она вела себя как настоящая леди.

– Итак, мисс Шелли. – Лорд Хэдли смотрел на нее бездонными голубыми глазами, и она невольно почувствовала

себя немного увереннее. – Как ваше имя?

– Арабелла, милорд.

– И когда ребенок должен появиться на свет?

– В начале декабря. – Она легко вычислила это, поскольку спала с Рейфом всего один раз.

– Вы поверили, что мой брат возьмет вас в жены. Он обещал жениться на вас? Отведайте одну из этих булочек, они очень вкусные.

– Да, обещал. Может быть, вы не верите мне? – спросила Белла, теряя веру в себя. Эллиотт покачал головой. – Уверена, вы считаете меня распутной. Мне должно быть стыдно даже оправдывать себя. Но все было как в сказке. Очаровательный принц смел все препятствия, спасая меня. Несомненно, вас удивляет, как женщина двадцати пяти лет может быть столь романтичной. Уверяю вас, это не похоже на меня. У меня репутация разумной и практичной женщины, – с горечью добавила она.

– Где вы встретились? Полагаю, в Лондоне. – Он был слишком вежлив, чтобы обсуждать ее моральные устои, а Белла не знала, как ему все объяснить. Как мужчине понять, что его ошеломительный вероломный брат произвел на нее ошеломляющее впечатление? Она была одинокой, послушной, несчастной старшей дочерью викария, а Рейф венцом всех ее фантазий.

– Нет, в Суффолке. Я жила... жила... в сельской местности близ Ипсуича. Две мои младшие сестры, которые больше

не могли вынести жизнь с отцом, сбежали некоторое время назад. Я осталась. Мне полагалось стать поддержкой отца в старости.

– Ради бога, сколько ему лет?

«Виконт сразу взял быка за рога», – заметила Белла. От несчастья туман застилал ей глаза.

– Пятьдесят три года. – Белла осторожно отпила красного вина.

– Еще долго придется ждать, пока он достигнет глубокой старости. Я так понимаю, жить с ним не доставляет удовольствия. Хотите еще супа?

– Нет. Достаточно. Спасибо. Да, жить с ним радости мало. – Врать было бесполезно. Лорд Хэдли хотел во всем разобраться. – Он считает, что женщины грешны от природы, они – причина порока, а зло в случае необходимости следует изгонять из них битьем. «Женщина – дочь Евы. Она – плод греха и представляет собой сосуд греха». – Белла процитировала слова, которые вышивала вместе с сестрами. – Моя средняя сестра сбежала с молодым офицером, возлюбленным детства, младшая тоже сбежала, а меня соблазнил виконт. Видно, папа прав. Я не знаю, где мои сестры, – с грустью добавила она, дрожащей рукой положила ложку и приготовилась выслушать неодобрение виконта.

– Значит, после того, как сестры сбежали, появился Рейф, и вы тоже были готовы последовать их примеру?

Эти слова не были прямым осуждением, которого она

ожидала. Понимал ли Эллиотт сложившуюся ситуацию? Непонятно, относился он к ней с насмешкой или с сочувствием. Как выразить словами волшебство февральского солнца, которое принес с собой Рейф, точно вестник радости? Как объяснить чудо, что на нее обратил внимание такой мужчина, красивый, внимательный, искушенный?

– Он говорил, что влюбился в меня с первого взгляда, – прерывающимся голосом говорила Белла, пытаясь убедить и его, и себя. – Он приехал погостить у своего друга Маркуса Донта в Лонг-Фаллоу, в нескольких милях от того места, где я жила, поправить здоровье, поскольку чувствовал себя не очень хорошо. Уверял меня, будто меньше всего ожидал, что вдруг влюбится.

– Должно быть, именно в то время на него подействовала инфекция, – заметил лорд Хэдли. – Я не знал, где он находится. Он умер в Лондоне.

Казалось странным, что Эллиотт не знал о перемещениях брата. И почему она не догадалась о его болезни?

– Когда это случилось? Он... очень страдал? – Комната обрела неясные очертания, пока Белла изо всех сил пыталась обуздать эмоции. Ведь речь шла об отце ее ребенка. Что бы ни случилось, ей не хотелось, чтобы он испытывал страшную боль.

– Говорят, сначала ему было немного больно. Однако он очень скоро потерял сознание. Мисс Шелли... – Эллиотт встал, обошел стол и гибкими движениями склонился к ней.

«Он в хорошей форме, – смутно подумала Белла, – и реагирует незамедлительно».

Он взял фужер, вложил его ей в руку и заставил поднести к губам.

Белла отпила глоток.

– Благодарю вас. Мне уже хорошо. Просто хотелось узнать, ведь это лучше, чем давать волю воображению. – Когда Эллиотт вернулся на место, она заставила себя продолжить рассказ. На него было трудно смотреть, так он напоминал Рейфа, хотя и был другим, добрым и, казалось, заботливым. Рейф тоже был таким... поначалу. «Остерегайся, – шептал ей голос разума. – Он ведь мужчина». – Мы любили друг друга... я так думала... но предупредила его, что мой папа приходит в ярость, если одна сестра решится даже просто поговорить с младшим приходским священником.

– Виконта Хэдли вряд ли можно принять за младшего приходского священника, – сухо заметил нынешний обладатель титула. Эллиотт поднялся, отодвинул ее тарелку и начал разрезать каплуна. – Вы достанете боковые блюда? – Он протянул ей тарелку с мясом и не забыл положить себе.

– Да, благодарю вас.

– Продолжайте, мисс Шелли. Он любил вас, вы любили его, но ваш отец стал бы возражать, поскольку хотел удержать вас дома ради собственных удобств.

– Мы говорили о браке и строили планы на будущее. Рейф собирался вернуться в Лондон, составить брачный

контракт и вернуться, чтобы поставить отца перед *свершившимся фактом*. Он даже собирался нанять хорошую домработницу и прихватить ее с собой, чтобы папа не остался совсем один. В то время казалось, все идет хорошо. Я по уши влюбилась в него... Мы стали любовниками. Он просил, и я... Рейф сказал, что я вряд ли люблю его, если откажу. И я поступила так, как он просил.

У нее не осталось сил продолжать. Не хотелось описывать ужас, охвативший ее, когда все начало рушиться. Какой кошмар! Белла знала, что научится ублажать его в постели, если появится такая возможность, если он тоже любит ее и пожелает научить ее. Но...

– Это все, – резко сказала она и взглянула на Эллиотта Кэлна. Тот смотрел на нее взглядом, в котором отражалось нечто похожее на сочувствие.

Он молчал, вращая пальцами фужер с вином.

У Беллы не хватило сил описывать дальнейшие интимные отношения, однако хороший тон требовал, чтобы она поддерживала разговор. Невозможно просто сидеть и рыдать, сколь бы плохо ни было.

– Простите меня, – робко произнесла она, – вы с братом были близки?

– Полагаю, вы хотите узнать, насколько я похож на него? – Ее вопрос, видно, позабавил его. На его лице снова появилась знакомая улыбка, по ее спине пробежали мурашки. Эта улыбка гипнотизировала. Улыбка и глаза действовали неот-

разимо. – Не очень, если не считать внешнего сходства. Ведь я всего лишь до скуки прилежный младший брат.

До скуки — не те слова. Белла стала пристально разглядывать Эллиотта, пытаясь определить, чем он отличается от Рейфа. Она подумала, что назвать его *благонравным* не очень точно. Наблюдая, она заметила цинично-веселый взгляд на вещи, ее рассказ не шокировал его, отчего она заподозрила, что он знаком с удовольствиями жизни.

– Правда?

– Долгое время я был *бедным* младшим братом. Это в некоторой степени не дает возможности предаться разврату, если только совсем не заботиться о долге и здоровье. Я занимаюсь спортом, люблю напряженно работать и быть в форме. Предпочитаю зарабатывать деньги, а не бросать их на ветер. Зарабатывая их, я обнаружил, что, стараясь приумножить свое богатство, наверное, стал ценить их чуть больше, чем Рейф свое наследство.

Эллиотт быстро поднял голову, осмотрел комнату, и она тоже огляделась. При всей роскоши можно было заметить признаки упадка. Очевидно, здесь скупались на ремонт и тратили деньги для видимости. Белла заметила влажное пятно на стене у окна, трещину в плинтусе и тут же вспомнила рытвины на дороге. Эллиотт крепче сжал пальцами ножку бокала. Перстень Рейфа сверкал при свете свечей. Белла догадалась, он разглядывает ее, а не комнату. Он снова отвел взгляд и вернулся к своим мыслям.

Белла положила нож и вилку и рассматривала лицо, так похожее и в то же время не похожее на лицо его брата. Лицо Рейфа было мягче, хотя он и отличался неожиданными вспышками необузданного гнева. Она чувствовала, что под беспечным внешним видом скрывается более жестокий и сдержанный мужчина, поежилась, и Эллиотт сразу заметил это, наблюдая за ней внимательнее, чем казалось.

– Вам холодно? – Белла покачала головой. – Вы еще голодны? Позвонить, чтобы принесли сыр и десерт? – Он вел себя как гостеприимный хозяин, однако ситуация была далеко не идеальной. Белла догадывалась, эта подстриженная голова занята не только заботой о ее аппетите.

– Нет. Благодарю, милорд. – Она согрелась, хорошо поела и отдохнула, к чему и стремилась. Настало время сказать то, о чем она думала, когда проснулась.

Одному богу известно, что он ответит, однако Белла решила проявить верх наглости. Она всю жизнь делала то, что ей говорили, думала о благополучии других, их потребностях и капризах, теперь же решила без оглядки заступиться за своего ребенка. Люди все равно скажут, что она вела себя бесстыдно.

– Милорд.

Он взглянул на нее, чувствуя перемену в ее тоне.

– Мисс Шелли?

– Вы наследник Рейфа, поэтому я должна просить вас о следующем... и настаивать на этом. – Ее голос задрожал, но

она преодолела страх и опасения. Ей надо сказать это. – Я хочу, чтобы вы обеспечили меня жильем... всего лишь небольшим приличным домиком... и достаточным количеством денег, чтобы я смогла достойно растить ребенка. Я могу делать вид, будто являюсь вдовой и обойдусь малостью. Но должна просить вас оплатить образование ребенка, если это будет мальчик, или обеспечить приданым, если на свет появится девочка. Очень жаль, что приходится просить об этом вас, но понимаю, что должна сделать все возможное, чтобы обеспечить ребенку безопасность и будущее.

Эллиотт изучал ее из-под ровных бровей, на лице и мускул не дрогнул. Его поразили ясно изложенные требования.

– Уверен, вы станете защищать своего детеныша, точно тигрица, – наконец сказал он, отчего у Беллы от гнева покраснели щеки. – Но нет, я не устрою вас в каком-нибудь приличном маленьком домике где-то в провинции и не стану обеспечивать ваше дитя, как вы о том просите.

Белла сжала пальцы, точно когти. На мгновение почувствовала себя хищником, с которым Эллиотт сравнил ее.

– Вы должны...

– Я не стану делать это.

Белла точно на стену наткнулась. Он не шевельнулся, не повысил голос, но она ясно понимала, он хорошо подготовился к такому повороту разговора, угадал, о чем она будет просить, и все уже решил.

Несомненно, он распорядится, чтобы ее отвезли назад в

гостиницу «Павлин» в Чиппинг-Кемпдене, где она покинула дилижанс. Теперь, позаботившись о самых необходимых потребностях и выслушав ее требования, Эллиотт пожелает выдворить ее из своего дома. Что ж, она уйдет, у нее не осталось сил спорить с ним.

Но она вернется завтра, нравится ему это или нет. Эллиотт Кэлин ее единственная надежда, она проявит настойчивость, пока он не сдастся, сделает все возможное. Она будет приходить сюда снова и снова, пока он либо вызовет констебля, либо согласится на ее требования. Если придется, пригрозит скандалом, хотя кому станет хуже, если она решится на подобный шаг. Она начнет шантажировать, стыдить, угрожать, воспользуется любым доступным средством.

– Сейчас я не в силах спорить с вами, но мы вернемся к этому разговору. Обещаю. А теперь мне пора уйти. Я буду...

– Вы совершенно правы. – Эллиотт прервал ее столь приятным голосом, будто они обсуждали погоду. – Становится поздно, у вас был трудный день. Боюсь, в Доуэр-Хаус сквозняки, а моя двоюродная бабушка сварлива, хотя сегодня вечером вы ее не увидите. Правда, моя кузина Дороти весьма приятная женщина.

– Ваш... – Доуэр-Хаус и его родственницы? Неужели лорд Хэдли спятил? Не может же он взвалить на шею этих почтенных леди женщину, бывшую любовницей его брата, вышивавшей в своем чреве незаконного ребенка. – Я не могу остановиться у ваших родственников. Я ведь падшая женщина.

Они почувствуют себя оскорбленными, если узнают, кто я.

– Они почувствуют себя оскорбленными, если моя будущая жена найдет пристанище в другом месте.

Рука Беллы дернулась, почти полный бокал с вином перевернулся, и по скатерти расплзлось пятно кровавого цвета.

– Вашей женой? Вы намереваетесь *жениться на мне!* Вы?

– Конечно. А что? Арабелла, вы можете предложить что-то лучше?

– Я приехала сюда с вполне разумным предложением, вы отказались, даже не обсуждая его. А теперь предлагаете мне вступить в брак!

– Это было не предложение. Это обязательно случится. – Эллиотт прервал ход ее недосказанных мыслей. Судя по тону, он и предсказывал, и приказывал, выглядел так, будто совершал официальную сделку, взирая на нее холодными неподвижными глазами. Очаровательная улыбка исчезла с его лица.

– Это смешно! Я не знаю вас. Отец ребенка Рейф.

– Рейф мертв. – Белла вздрогнула. Эллиотт продолжал, не обращая внимания на то, что его откровенность потрясла ее: – Разве вы знали *его* достаточно хорошо? Я думал, вы желаете для ребенка самой лучшей судьбы.

– Это верно! Я пойду на все ради него. – Белла поняла, к чему все это приведет. – Все, что я могу.

– Вот именно. Я уверен, вы говорите серьезно, иначе не приехали бы сюда, надеясь выйти замуж за виконта Хэдли,

правда? Если бы Рейф был жив, он отказался бы от вас, и вы это знаете. Именно поэтому вы выдвинули вполне разумные требования. – А теперь вы станете виконтессой, переедете сюда и будете жить... когда я немного приведу это место в порядок... в весьма приличных условиях. Разница в том, что вы выйдете замуж не за моего брата, а за меня. Неужели это столь великая жертва ради ребенка? Или вы желаете убедить меня в том, что предпочтете вести уединенную беспросветную жизнь в каком-нибудь далеком ярмарочном городке и воспитывать там прижитое дитя?

Глубокая вертикальная морщинка меж его бровей, резкие слова дали ей ясно понять: он этого не желает.

– Разумеется, я этого не хочу, – огрызнулась Белла. Нервы возобладали над потрясением, чувством безысходности и даже остатками хороших манер. – Если бы я на мгновение допустила, что вы говорите серьезно...

– Вы сомневаетесь?

Белла подвергла сомнению его честность, и он тут же продемонстрировал свое аристократическое высокомерие. Вот если бы ей удалось досказать свою мысль. Белла поддалась гневу, последний придал больше сил, чем любые другие чувства, подогревавшие ее. Белла решилась заговорить:

– Мне кажется, вы не очень серьезно обдумали все это. У меня нет желания выходить замуж за человека, который изначально презирает этот брак. Вы станете ужасным мужем. Судя по тому, как дернулись уголки губ, он, видно, нашел

несправедливые слова весьма забавными. Будь он проклят! Беллу кольнули угрызения совести от такой мысли, но ей было все равно. Ее настиг кошмар, настало время просыпаться.

– Не смейтесь надо мной!

– Вы думаете, мне весело? В таком случае позвольте мне, Арабелла, объяснить вам кое-что. – Эллиотт встал. Вблизи казалось, что ростом он не менее двух метров. Ей потребовалась сила воли, чтобы не отпрянуть, когда он опустил руки на стол и наклонился к ней, пристально глядя голубыми глазами. Я Хэдли, ныне глава этого семейства. Но если Рейф поступил бы так, как ему следовало, женился на вас до своей смерти, тогда оказался бы гостем здесь, в *вашем* доме, и выполнял бы роль *вашего* опекуна до рождения ребенка. Если бы родился мальчик, он стал бы виконтом Хэдли, а я остался бы мистером Кэлном, его опекуном, и больше никем. Вы серьезно думаете, что я могу игнорировать данный факт?

Глава 3

– Но вы законный наследник. Носите этот титул и не можете желать брака со мной, – возразила Белла.

– Ради бога, перестаньте беспокоиться обо мне, Рейфе или о чем-нибудь другом. Беспокойтесь о ребенке, – отрезал Эллиотт. – Моему брату следовало оставить вас в покое или жениться на вас. Честно говоря, ему давно следовало жениться. Но он этого не сделал. Думаете, меня радует его беспечное поведение, ведь именно из-за него мне повезло и я наследовал титул.

По голосу нельзя было сказать, что он считает себя везучим.

– В действительности я лишь могу добиться в случае рождения мальчика того, чтобы он однажды стал моим наследником. С юридической точки зрения это не очень важно, но крайне важно с моральной. Никто ничего не заподозрит – ребенок считается отпрыском мужа супруги. Если повезет, вы либо своевременно разрешитесь от бремени, либо роды случатся позднее, как это обычно бывает при первом ребенке. Все подумают, что мы все взвесили, как бы поздно он ни родился.

– Тогда люди посчитают, что вы...

Я Хэдли. – Он снова прервал ее. – Не сомневаюсь, что после смерти брата от виконта ожидают подобного поведения.

Сплетничать будут, но не больше недели.

– Однако здешняя прислуга, – возразила Белла, увлеченная его настойчивостью и понимая, что уже сдалась, но продолжая сопротивляться, – видела, как я пришла сюда пешком, и сделает вывод, что я ехала в простом дилижансе. Вы ведь ни за что не позволили бы своей невесте путешествовать таким образом.

Эллиотт снова сел и потянулся за кларетом.

– Разумеется, нет, если бы знал, что вы приедете. Но при этом нам не следует забывать о вашем строгом отце, не одобряющем аморального поведения аристократов и запретившем вам выходить за меня, несмотря на то обстоятельство, что вы достигли совершеннолетия. У него буйный нрав, и вам пришлось бежать ко мне до того, как стала заметна ваша беременность, не дожидаясь приготовлений к бракосочетанию. Прибыв сюда, вы ведь не объявили, что желаете видеть не меня, а Рейфа. Верно?

Белла покачала головой:

– Нет. Я вела себя уверенно, как могла, и назвала лишь ваш титул. Боялась, как бы дворецкий не указал мне на дверь, прежде чем я увижу Рейфа.

Здесь что-то не так. У Беллы родится законный ребенок? Она станет виконтессой Хэдли, несмотря на позор и свое незавидное положение? Да, здесь какая-то загвоздка, нечто, чего она не заметила. Все, что кончается слишком хорошо, обычно имеет какую-то скрытую пружину. Все это казалось

идеальным выходом из положения, тем не менее напоминало бриллиант с огромной трещиной внутри. Белла слишком устала, у нее кружилась голова, мысли путались, она не могла все трезво взвесить и найти эту трещину.

– Думаю, за этот день вы достаточно пережили. – Эллиотт подошел к ней, она даже не заметила этого. – Вы в положении, совершили слишком далекий путь и испытали потрясение.

– Да. – Ей уже не хотелось спорить. Ему трудно противостоять. Как бы то ни было, не следует сопротивляться, однако внутренний голос твердил, что она не должна уступать ему, он не заслуживает подобной уступки. Белла была готова идти на жертвы ради ребенка, не ожидала, что жертвой станет ни в чем не повинный мужчина. – Я больше не в силах рассуждать трезво. Нам следует поговорить еще раз, но мне хотелось бы отправиться ко сну, если вы не возражаете. Ваша двоюродная бабушка и кузина... милорд, что вы им скажете?

– Как что? Правду, конечно. – Он осторожно отодвинул ее стул и подождал, пока она встанет. – Скажу, что мы тайно и недолго ухаживали друг за другом, но, учитывая неразумное сопротивление вашего отца, я решил жениться на вас, как только получу разрешение на венчание без церковного оглашения. Ради этого завтра рано утром придется ехать к епископу в Вустер⁴.

Белле следовало сказать что-нибудь, но это было бы все

---

⁴ Вустер – административный центр графства Херефорд-энд-Вустер.

равно что идти против сильного ветра.

– Вы не должны называть меня *милордом*, – добавил Эллиотт, прежде чем они достигли двери. – Мы должны выглядеть близкими людьми.

– Эллиотт, – послушно сказала она. Это имя звучало более надежно, чем Рейф, и сейчас почему-то казалось более реальным. «Он настоящий», – догадалась она. Он стал единственной реальностью между ней и полным крахом. Рейф мертв, с его стороны ей ничто не угрожало. Но она знала, тот был настоящим дьяволом. А его брата она совсем не знала. – Это ведь... Я не чувствую...

– Было бы хорошо, если бы вы завтра поехали со мной в Вустер, если, конечно, в состоянии преодолеть такой путь. Думаю, вам захочется сделать кое-какие покупки. К вечеру мы вернемся, а на следующий день поженимся.

– Мы поженимся уже послезавтра?

– Чем быстрее, тем лучше. Вы не согласны? Я знаком с епископом Джорджем Хантингфордом, что весьма кстати. Он немного суховат, но препятствий чинить не станет. Он ведь не знает вашего отца, правда?

– Понятия не имею. Однако я не могу предстать перед епископом и притворяться...

– Притворяться? – спросил Эллиотт с неотразимой логикой. – Вы достигли совершеннолетия, вы та, за кого себя выдаете, и имеете право выходить замуж. Здесь нет обмана.

– Позвольте мне договорить. – Конечно, он прав. Почему

бы ей просто не согласиться с ним? Она проглотила слезы отчаяния и пыталась собраться с мыслями. Все выглядело слишком просто. Возможно, она замечталась.

– Сегодня вы не очень последовательны, – заметил Эллиотт в ответ на ее возражение. – Неудивительно, ибо, если бы я ждал, пока вы договорите, мы стояли бы здесь до рассвета. – Они посмотрели друг на друга, он был чуть недоволен, она нахмурилась, отчего, наверное, выглядела еще некрасивее. Эллиотт уж точно хорошо рассмотрел ее и, видно, удивлялся, чем заслужил к себе такое отношение.

Белла вела себя неразумно и неблагоприятно, но вдруг крепко рассердилась на него. Он полностью владел собой, она никак не могла поколебать его, ведь он прав. Для ее ребенка это самый лучший выход. Она сжимала кулаки, в душе понимая, что хотела ударить не этого мужчину, а его брата.

Ударить мужчину, который хотел спасти ее вместе с ребенком от этого кошмара, было бы сумасшествием, но соблазн велик. К тому же в ней проснулось противоречивое желание прижаться к его груди и зарыдать.

– Да, я не очень логична. – Белла заставила себя говорить скромно. – Хотя обычно спокойна, разумна, логична и ответственна. И прежде чем вы что-то скажете, я хорошо знаю, о чем промолчите. Я отдала свою невинность вашему брату до брака. Однако он... однако я...

– Вы оказались во власти чувств? – добродушно заметил Эллиотт.

– Вот именно. – Белла крепко сжала руки. – Эллиотт, я не знаю, были ли вы когда-либо влюблены, влюблены ли сейчас.

Конечно же он не стал бы предлагать ей что-либо, если бы был связан с какой-нибудь женщиной.

– Нет, – признался он, к ее радости. – У меня никого нет.

– Любовь подавляет все. Я более сильного чувства не испытывала. – Конечно, это, наверное, была иллюзия любви, или она привязалась к Рейфу, желала его даже тогда, когда тот делал больно и пренебрегал ею. Но, хуже того, собственные чувства подвели ее. – Прямо сейчас я ощущаю утрату, испуг, смущение, что брошена на произвол судьбы. И потрясена. Наверное, вы никогда не испытывали подобных чувств?

Эллиотт не похож на человека, которого легко охватывают тревожные чувства.

– Конечно, я испытал шок. Совсем недавно. – Уголки губ искривились то ли в гримасе боли, то ли в сардонической улыбке. – Согласитесь, вам потребовалось чуть больше времени, чтобы привыкнуть к своему положению, чем мне.

– У меня еще меньше времени, чтобы привыкнуть к мысли, что придется выходить замуж за совершенно незнакомого человека и стать виконтессой. – Белла осеклась, голос дрогнул. Эллиотт отличался невероятной выдержкой. А она поставила его в весьма затруднительное положение. – Вы очень добры. – Тут он вопросительно приподнял бровь. – Я действительно ценю то, что вы делаете ради меня, ради ре-

бенка. Но прошу вас, поговорим об этом завтра.

– Мы можем поговорить об этом по дороге в Вустер. Я заеду за вами в восемь, если вы будете чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы выехать так рано.

Белла сглотнула. Ей не составит труда встать и позавтракать к этому времени. В доме викария все вставали в шесть. Однако в такое время она испытывала самые неприятные ощущения. А сейчас ей казалось, будто она проспит целую неделю.

– Я буду чувствовать себя отлично. Спасибо. Подготовлюсь к этому часу.

Ее плащ почти высох, дождь перестал. Эллиотт настоял на том, чтобы отнести ее дорожную сумку в экипаж, затем после десятиминутной поездки помог ей выйти. В темноте Белла рассмотрела дом, расположенный в лощине.

– Доуэр-Хаус. – Они подождали несколько минут, дверь со скрипом открылась, на пороге возник древнего вида дворецкий, уставился на них при свете фонаря, который держал в руке.

– Милорд? Моя хозяйка уже отправилась на покой, мисс Дороти в малой гостиной.

– Спасибо, Доусон. Мы сами объявим о своем приезде. Мисс Шелли остановится здесь на два дня. Найдите ей комнату и горничную.

– Милорд. – Старик ушел, шаркая ногами и бормоча про себя: – Горничная, комната, камин.

– Доусону почти девяносто лет, – пояснил Эллиотт, – но он отказывается уходить на пенсию. Остерегайтесь собачки, она начнет тявкать, но, думаю, она вряд ли кусается. – Говоря, Эллиотт открыл дверь и вошел. – Кузина Дороти, извините за столь поздний визит.

Собачонка действительно залаяла. Мисс Дороти вскрикнула, уронила плетеное кружево. Ей потребовалось несколько минут, чтобы восстановить порядок.

– Вы обручены? – спросила она, близоруко глядя на Беллу, когда Эллиотт начал все объяснять. – Как чудесно! Дорогой Эллиотт, вы уже говорили мне об этом? Я не помню и, уверена, не вспомнила бы.

– Нет, кузина. Арабелле пришлось бежать, потому что ее отец не одобряет наш брак.

– Брак с тобой? Это почему же? Если бы речь шла о таком повесе, как Рейф, да упокоит Бог его душу, тогда все понятно. Но речь идет о тебе, кузен?

– Тут замешана политика, – заговорила Белла, чувствуя себя так, будто она курильщица опиума и сейчас видит кошмар. Все казалось столь нереальным. – Папа принадлежит к... – Тут Белла сообразила, что понятия не имеет, к какой партии принадлежит Эллиотт.

– Тори, – договорил он за нее. На этот раз он вмешался весьма кстати.

Мисс Дороти, женщина лет пятидесяти, полная и довольно рассеянная, кивнула:

– Ах, политика. Тогда все понятно.

– Мы поженимся послезавтра, – продолжил Эллиотт. – И если вы найдете Арабелле спальню на два дня, будет очень хорошо. Я сказал об этом Доусону, когда мы вошли. Думаю, он ушел поговорить с миссис Доусон.

– Они позаботятся об этом. – Мисс Дороти лучезарно улыбнулась Белле. – Мне очень нравится сопровождать молодую девушку. Не часто подворачивается такая возможность теперь, когда мама стала слабее и мы больше почти нигде не бываем. Однако раньше я присматривала за всеми своими племянницами.

– Вы очень добры, мадам. – Белла собрала остатки воли и изо всех сил старалась быть вежливой. Ей казалось, будто она уперлась в запертую дверь, та неожиданно отворилась и она рухнула в пустое пространство. Она падала. – Извините, боюсь, не знаю, как мне следует обращаться к вам.

– Я мисс Абботсбери, но, моя дорогая, все зовут меня мисс Дороти. Кстати, вы уже ужинали?

– Да, мисс Дороти. Спасибо.

– У вас есть ночная рубашка и зубная щетка? Эллиотт, куда это вы?

– Домой, кухня. – Он остановился у двери. – Я просто собирался пожелать вам спокойной ночи.

– Не поцеловав мисс Шелли? – Мисс Дороти жеманно улыбнулась. – Вы ведете себя весьма неромантически! Эллиотт, я ведь не такая суровая дама.

– Конечно. Арабелла. – Он взял Беллу за руки и посмотрел ей в глаза. Та с трудом удержалась, чтобы не вцепиться в него. Они знакомы всего несколько часов, а теперь у нее никого нет, кроме этого незнакомого человека. – Видите ли, утром все будет лучше. – Эллиотт наклонился и поцеловал ее в щеку. Она на мгновение почувствовала его теплые губы и дыхание. Прежде чем он выпрямился и отпустил Беллу, та ощутила запах кларета и пряностей. – Кузина, я приеду за мисс Шелли в восемь часов, если только ранний завтрак не создаст вам неудобств.

– Отнюдь нет. – Невинный поцелуй, видно, удовлетворил романтические надежды мисс Дороти. Она ласково улыбнулась ему. Эллиотт ушел. Мисс Дороти обратилась к Белле: – Ну, моя дорогая, думаю, вам хочется лечь спать, правда?

– Да, пожалуйста, мисс Дороти. – Наконец-то она услышала вопрос, на который могла ответить честно и без раздумий. Уютная комната, в которой царил хаос, чуть поплыла. – Это было бы замечательно.

Утром без четверти восемь Эллиотт сидел в закрытом экипаже, направлявшемся в Доуэр-Хаус, и мысленно составлял списки. Оставалось или заниматься этим, или достать флягу с бренди и запить каждую обузу, которую взвалил на него Рейф. Особенно эту обузу. Было бы ложным утешением оплакивать брата, возможно, если он и оплакивал, то брата, какого у него не было: близкого друга, надежного товарища.

Рейф, будучи ревнивым и подозрительным, никогда никого не приближал к себе даже в конце жизни.

Однако сентиментальные мысли о братской любви или ее отсутствии не очень помогали управлять запущенным имением с более чем сотней подданных, крайне запутанными финансовыми делами и справиться с этой последней обузой.

Видно, ему суждено жениться на некрасивой дочери никому не известного викария. Почему он не поступил так, как она просила, не отправил ее подальше, обеспечив достаточным количеством денег на поддержку мнимой respectable вдовы? Он предположил, что виной всему его проклятая совесть. Иногда Эллиотт думал, что наделен совестью брата и своей собственной, ибо Рейф, очевидно, был лишен этого качества души.

Вчера вечером стало совершенно ясно, в чем заключается его долг честного человека. Если бы она приехала к нему после рождения ребенка, он не предложил бы заключить брак, ибо это узаконило ребенка. Но она *приехала*, и он получил возможность принять правильное решение.

Всю свою взрослую жизнь он, похоже, старался устранить вред, который Рейф нанес имению, своим подданным, тем, кто попадался на его пути, до сих пор ему удалось лишь удержать от самоубийства одного молодого отпрыска после того, как Рейф разорил того за ломберным столом. Теперь Эллиотту приходилось заниматься еще и этим. Казалось, сильный шторм вынес обломки на берег, а ему приходится справ-

ляться со всем сразу.

Эту маленькую девчонку так ослепил брат, безответственный повеса, что она пошла наперекор всему, во что верила. Он не сомневался, что она была невинной и целомудренной молодой женщиной. Но почему это должно его удивлять? Рейф Кэлин обладал даром очаровать даже самых умных женщин. Эллиотт никак не мог понять, как это возможно.

Сам Эллиотт редко обращал взгляды женщин на себя, ни одна женщина, похоже, не потеряла ни йоту здравого ума или суждения, как это происходило, когда обольстителем становился его брат.

Он догадывался, что Арабелла Шелли отнюдь не так наивна, пристыжена или смущена. Она даже сердилась на него, хотя и не показывала этого.

Белла совсем не знала Рейфа, иначе не влюбилась бы в него. Она не из тех женщин, которые заигрывают с опасностью. Больно признать, но Рейф был порочным, развратным и хитрым повесой, скрывавшим свое истинное лицо под очаровательной маской, когда преследовал свои цели. И такое очарование явно совсем обмануло ее, ибо Эллиотт сомневался, что Арабелла понимала, как ей повезло. А что, если бы брат обманом увез ее в Лондон и там бросил? Об этом даже страшно подумать.

Лучше совсем не думать. Ему суждено жениться, смириться, а потом начинать новую жизнь. Он надеялся, что у Арабеллы тоже начнется новая жизнь.

«Вряд ли можно рассчитывать, что в браке возникнет любовь», – думал он, невидящим взором глядя в окно экипажа на заросшую травой подъездную дорогу. Он полагал, что так живет большинство мужчин его круга, правда, никогда не думал, что женится на женщине, потерявшей девственность и носившей чужого ребенка. Им как-то придется свыкнуться с этим. Все равно что вести под венец вдову, забрав ее из открытой могилы мужа.

От столь мрачной мысли лицо искривила гримаса. Следует предаваться более радостным мыслям. Конечно, Арабелла скоро оправится от потрясения после любовного эпизода с Рейфом и осознания того, что ее жестоко обманули. Они смогут забыть все и строить свой брак, трезво смотря на жизнь.

Настала пора остепениться. Ему уже тридцать лет. Подумав об этом, он испытал потрясение. В марте он заигрывал со стайкой хохочущих юных леди в клубе «Олмак», и вдруг его осенило, что они совсем юны. Не может же он заигрывать всю жизнь и избегать матерей, сватавших своих дочерей.

В последнее время он стал обращать внимание на юных леди, подходящих на роль невесты. Он принял приглашение на вечеринку в доме Фремлингемов, где мог бы встретиться с некоторыми из них, включая леди Фредерику Фремлингом.

Она была очаровательной, уверенной и хорошенькой. Эллиотт чувствовал, что та не станет возражать, если он предложит ей руку. При сложившихся обстоятельствах ему по-

везло, что похороны и заботы вынудили его покинуть городской особняк в конце сезона до вечеринки, где предстояло решить, как поступить с Фредерикой.

Все складывалось удачно. К февралю Арабелла привыкнет к своей новой роли, разрешится от бремени и подготовится к выходу в свет в новом сезоне. Эллиотт достал блокнот и черкнул записку, в которой распорядился привести городской особняк в порядок. Входная дверь открылась. Он достал часы. Ровно восемь. Его суженая точна.

Глава 4

– Доброе утро, Эллиотт.

Лакей помог Арабелле сесть в экипаж. Эллиотт изучал ее лицо, пока она устраивалась напротив него.

– Доброе утро. Вы хорошо спали?

Она была бледна и измучена, под глазами залегли темные круги, глаза налились кровью. Он никогда не искал красоты в женщинах, за которыми ухаживал, однако хотелось найти в них хотя бы какую-то привлекательность. Мисс Шелли совершенно права: она не красавица. Он вспомнил розовые щеки Фредди Фремлингом, голубые живые глаза. Чистая естественная добрая Фредди.

– Спасибо. Я хорошо выспалась.

Эллиотт понял, это вежливая ложь. Должно быть, она провела всю ночь в тревогах.

– Замечательно. – Не было смысла говорить, как плохо она выглядит. – В той корзинке бутылка мадеры и немного печенья.

– Вы очень предусмотрительны. – Мелькнувшая на лице улыбка стала для него откровением. Он уставился на нее. Казалось, мисс Шелли совсем не такая простушка. Улыбка исчезла, и ее лицо снова казалось бледным и унылым. – Я немного позавтракала. Надеюсь, тошнота продлится недолго.

Эллиотт промолчал. Не стоило касаться этой темы.

– У вас есть *доверенное лицо*, которое знает, что делать при беременности?

Ему пришло в голову, что ей может понадобится такой человек. Кузина Дороти для этого не подойдет, а миссис Найт, экономка, занимала должность лишь с его любезного согласия. Она тоже старая дева.

– У нашей прачки шестеро детей, – ответила Арабелла. – Я видела ее состояние после рождения каждого ребенка, представляю, с чем столкнусь. Но, кроме прачки, больше никого не знаю. Отец смотрел косо на любые близкие отношения.

– Помочь может отдых и спокойствие. – Эллиотт думал, что его голос звучит увереннее, чем он себя чувствовал. Арабелла нуждалась в обществе опытной женщины, а не едва известного мужчины, который черпал познания о родах на племенной ферме и псарне.

– Спокойствие? – Выразительная улыбка Беллы говорила о том, что она не согласна с ним.

– Теперь вы знаете, что ваш ребенок в безопасности, – осторожно заметил он.

– Это правда. – Белла задумалась и спросила: – Эллиотт, вы в этом уверены? Я не спала и думала, что вы тоже бодрствуете. Я горько сожалела о том, что вы сделали.

– Я думал, что вы желаете своему ребенку самого лучшего.

– Правда, но вы ведь ни в чем не виноваты.

– Однако ответственность за это лежит на мне. – Черт подери, он уже начал говорить точно банальный зануда, каким его считал Рейф. – Джентльмен не отказывается от своих слов.

– Конечно нет. – Арабелла, похоже, замкнулась в себе.

Теперь Эллиотт чувствовал себя банальным занудой, отшвырнувшим ногой котенка. Он заглянул в свой блокнот. Изображать скучного властного мужа? Такое поведение хотя бы избавляло от путаных неприятных эмоций.

– Сегодня днем мы нанесем визит Левишему, моему адвокату. Он составит брачный контракт. Тогда вы и ребенок окажетесь защищены. Я также обговорю ваше денежное содержание и устрою так, чтобы вам его выплачивали ежеквартально, если это вас устроит.

– Денежное пособие на домашнее хозяйство? – поинтересовалась Арабелла.

Эллиотт заметил, что она стала внимательно относиться к подобным вопросам, и уже усомнился, хорошо ли он поступил, заставив ее ехать в Вустер. Конечно, можно было оставить ее в обществе Дороти, но тогда ей все время надо было бы притворяться.

– Нет, для ваших личных потребностей. Будете тратить их на платья и все другое, что вам понадобится. Я решил выделить пятьдесят фунтов, но дайте мне знать, если этого окажется недостаточно.

– В год? – Она пристально смотрела на него.

– Нет, в квартал.

– *Двести фунтов?* Тогда я смогу нанять горничную. –

Белла выглядела скорее удивленной, нежели довольной. Эллиотт догадался, что в подобных вопросах она не ориентируется. Раньше такая мысль ему даже в голову не приходила, придется учить ее, как вести себя в высшем свете.

– Я оплачу расходы на горничную, няню и помощницу няни. А также выделю денежное пособие на ребенка. Арабелла, все это для вас. Домашнее хозяйство мы обсудим позднее, но у вас есть миссис Найт, которая трудится экономкой уже десять лет, очень опытная. По этой части вам самой почти ничего не придется делать.

– О домашнем хозяйстве я знаю все, – ответила Белла с некоторым раздражением. – Зависит от размеров хозяйства. И на что же мне тратить все эти деньги? – Тут на ее лице появилась беспечная улыбка. Эллиотт не удержался и улыбнулся в ответ. – Книжки! Можно стать членом платной библиотеки, тогда мне начнут присылать книжки. И журналы тоже. Еще шелка для вышивания. Мне хотелось бы заняться изящным вышиванием, а не только штопаньем и вязанием. И еще выкройкой для ребенка.

Ее рука невольно застыла на пояснице. У Эллиотта что-то шевельнулось внутри, но он не понял, что это. Ребенок вдруг стал реальностью, а не абстракцией или проблемой. Ребенок Рейфа. Эллиотт почувствовал странную боль, почти смутное

опасение. Встряхнул головой, избавляясь от наваждения.

– Затем вам придется нанять учителя танцев. Во время следующего сезона вас часто будут приглашать на танцы. Когда вы оправитесь после родов, мы поедem в Лондон. Тогда вы сможете брать уроки, купить придворное и бальные платья.

– Двор. Балы. О боже! – Улыбка на лице Беллы угасла. – Эллиотт, боюсь, мне это не по силам.

– А мне по силам. Я привык к лондонским сезонам, у меня там много друзей. Скоро вы оправитесь и станете искусной хозяйкой.

К тому времени Белла уже не будет столь сильно зависеть от него. Жизнь вполне может вернуться в привычное русло. Он будет посещать спортивные соревнования, заниматься боксом, бывать в своих клубах. Во время сезона они станут появляться на вечеринках и балах. Белла начнет ходить по магазинам, наносить визиты, присматривать за ребенком. После окончания сезона они будут ходить в гости и жить в провинции. Все очень просто. Конечно, о любовницах придется забыть. И никаких заигрываний.

– Спасибо. Вы очень добры. – Белла умолкла. Он положил блокнот и стал внимательно изучать ее лицо.

– Арабелла, быть с вами добрым совсем легко. – Он вдруг понял, что сказал чистую правду. Но как она поведет себя, когда снова обретет уверенность и твердо встанет на ноги? – Любой муж поступил бы точно так же. – «Муж. Завтра в

это время мы уже будем в церкви. Получится ли из меня хороший муж? Хороший отец?» Эллиотт снова почувствовал внезапную острую боль. – Мы уже почти приехали.

– Наверное, я должна это сделать. – Белла начала теревить завязки своей шляпки. – Наверное, он посчитает, что для невесты виконта я одета неряшливо.

– Хотите сначала купить новую шляпку? И новый риди-кюль? То, что на вас, просто, но приемлемо. – Честно признаться, ее одежда была совершенно безвкусной, но если сказать так, уверенности это ей не добавит. – Если вы решите, что лучше купить что-то новое, у нас вполне достаточно времени. Откровенно говоря, мы можем приобрести все необходимое. – Эллиотт любил ходить по магазинам в компании женщин, даже с испорченными капризными любовницами. Эта провинциальная мышка будет забавно смотреться в городке графства, не отличавшемся слишком большой изысканностью.

– Спасибо. – Арабелла прикусила губу.

Видно, она вовсе не думала о шляпках. Приятно немного побаловать ее, доставить удовольствие.

– Наверное, мы не должны говорить епископу, кто мой папа, правда? Мне бы хотелось, чтобы он не знал, откуда я приехала. Хотя бы пока.

– Как пожелаете.

Белла кивнула, умолкла, к тому же казалось, больше сказать уже нечего. Эллиотт заметил, как она смахнула слезу с

уголка глаза. Есть о чем задуматься.

* * *

– Вот мы и приехали. Это Вустер. Видите, там королевский форт. Прямо перед нами, на правой стороне.

Белла села прямо и решила проявлять внимание. Эллиотт вел себя совершенно непринужденно, даже по-деловому, держа блокнот в руке, строя планы относительно ее. Образ, складывавшийся в ее сознании с прошлого вечера, – грустный смех, решительное обращение с ней, ощущение, что под добротой скрывается опасный мужчина, – стал меняться. Он показался надежным, очень ответственным человеком. Как раз таким, какого женщина могла желать себе в мужья.

Все выглядело странно, успокаивающе, хотя ощущение опасности не исчезало, ей сулили денежное содержание, о котором даже мечтать было нельзя, новую шляпку, удобный экипаж, потчевали разговорами о бальных платьях и уроках танцев.

Белла пыталась объективно разобраться в Эллиотте. Тот смотрел в окно, чуть отвернувшись от нее. В том, как он держался, сосредоточенно глядел на мелькавшие мимо пейзажи, было нечто такое, что заставило ее снова изменить мнение. Нет, Эллиотт Кэлин не был флегматичным и снисходительным благодетелем, сколь бы добрым и честным он ни выглядел.

Глядя на его подбородок, она подумала, что неразумно сердить его. В нем чувствовалась властность и сила, чего был лишен его брат. Сдержанная энергия, стесненная одеждой и повадками аристократа, стремилась сбросить оковы, совершить нечто необычное. Этот человек стремился к определенной цели, не производил впечатления прожигателя жизни.

Эллиотт сел удобнее, достал из кармана бумаги и стал что-то быстро записывать. Похоже, он делал какие-то расчеты. Неужели он все еще подсчитывал ее денежное содержание? Он уронил на сиденье какое-то письмо. Хотя оно было перевернуто, ей удалось прочитать: «...по вашему указанию проданы акции по весьма выгодной цене, а деньги в сумме тысячи фунтов вложены в упомянутую вами компанию...»

Нет, речь не о ее денежном содержании, а о деловой сделке. Должно быть, ее муж богатый человек. «Дитя, тебе бояться нечего, – мысленно обещала она. – Ты вырастешь здоровым, обеспеченным и никогда не узнаешь, что твой отец не желал тебя. Я буду любить тебя, Эллиотт станет твоим папой и позаботится о твоём будущем». Думая о ребенке, она легко радовалась его деньгам и титулу. Она согрешила и вдруг получила вознаграждение. Однако без брака ее ребенок останется незаконным. Придется забыть о своих чувствах и самолюбии.

Экипаж остановился, она посмотрела в окно и заметила, что они находятся на оживленной улице, усеянной магази-

нами со сводчатыми фасадами.

– Мне жаль, что я ввожу вас в столь большие расходы, – выпалила Белла, не подумав. – Разве нам не следует носить траур?

– Вы – леди Хэдли и должны стать достойной этого титула. Меня не за что благодарить. К тому же в нашей семье нет традиции носить траур, да еще в провинции. Идемте. – Эллиотт протянул ей руку.

Белла ступила на тротуар из каменных плит, споткнулась при мысли, что это ее первый шаг в новую жизнь. Она подыщет себе шляпку, в которой можно будет предстать перед епископом, гардероб, достойный виконтессы. Она это сделает. И в конце концов станет хорошей женой этому человеку.

Эллиотт поймал Беллу за локоть и удержал. Белла с трудом улыбнулась ему, он ответил тем же, явно почувствовав облегчение от того, что она чувствует себя хорошо. Мимо них прошли две юные леди. Белла заметила, как те пристально взглянули на Эллиотта. Она поняла, что он и в самом деле привлекательный мужчина. Поджала губы, заметив, как он ответил на их пристальный взгляд.

Эллиотт был выше, сухоощавее и суровее, чем его брат. Он охотно улыбался, улыбка была гораздо искреннее. Белла придирчиво рассудила, что он не выглядит столь картинно, как Рейф. Бесстрастный настоящий мужчина. По сравнению с Рейфом он казался более опасным, хотя это было не столь очевидно. Мужчина, чувствовавший себя вполне

уютно и уверенно. Видно, Эллиотт не видел необходимости доказывать что-то кому бы то ни было, кроме себя. В ней проснулись какие-то ощущения, причина которых не дурное предчувствие или тошнота. Неужели на нее подействовала привлекательность Эллиотта? Нет, только не это, особенно после того, что она пережила с Рейфом. Белла вздрогнула.

– Мы пришли.

Она не заметила, как он привел ее к магазину галантерейных товаров. Белла взяла себя в руки и взглянула на выставленные в витрине шляпки. Она и вправду выглядела как ребенок в кондитерском магазине, который не может оторваться от вкусных вещей и смотрит на них с завистью.

– *Месье...* нет, я должна была сказать *милорд*, верно?

Перед ними появилась высокая женщина в годах, видно хорошо с ним знакомая. Это интересно. Белла перестала рассматривать шляпки и тайком взглянула на него. Неужели он приводил сюда любовниц?

– Вы правы, мадам Синти. И пожалуйста, отныне присылайте счета в Олд-Холл. Эта леди, мисс Шелли, завтра выйдет замуж за меня. Для такого случая ей нужна шляпка и еще одна для встречи с епископом сегодня днем.

– А! – От восторга мадам воздела руки к небу, после чего занялась испачканными завязками шляпки Беллы. – Мисс Шелли, какого цвета будет свадебное платье?

– Гм... – Эллиотт тут ничем не мог помочь, он лишь поднял брови и сердито взглянул на нее. – Зеленого. Светло-зе-

ленного. – Белла мечтала о таком платье, пока ждала Рейфа. О платье цвета весны.

Через полчаса идеальная свадебная шляпка с вуалью и множеством фривольных зеленых завязок лежала в коробке, но Белла уставилась еще на две красивые модели. Она не привыкла выбирать. Примерив шляпку с ярко-красными лентами, заметила, что ее рыжеватые волосы стали темнее и заблестели. Однако шляпка с букетом примул под полями придавала ее глазам более зеленый оттенок, казалась симпатичной. Ее так и тянуло улыбнуться.

– Я не могу выбрать.

– Положите обе шляпки в эту коробку. – Похоже, Эллиотту не наскучило слоняться по магазину, пока она пребывала в крайнем смущении. Он также не гневался на то, что она вместо двух купила три шляпки. – Думаю, красные ленты подойдут для встречи с епископом Хантингфордом. Наденьте ее прямо сейчас. И выбросьте старую, – приказал Эллиотт, обращаясь к продавщице. – А теперь пойдем за ридикулем. – Он молчал, пока они не вышли из магазина, затем добавил: – И за зеленым свадебным платьем.

– Я не найду ничего подходящего за столь короткое время.

Белле хотелось добавить, что это не имеет значения. Разумеется, это не так. Эллиотт рассердится, если она не будет выглядеть подобающим образом. Ей хотелось сказать, чтобы ее старую шляпку тоже уложили в коробку, но она промол-

чала.

– Глупости. Мы пришли.

Они оказались у изящного магазина дамской одежды. К ним вышла продавщица, которая с восторгом приветствовала его светлость. Очевидно, привыкла часто видеть его у себя. Эллиотт встретил вопросительный взгляд Беллы с невинным видом. Неужели он содержал любовниц? Конечно, содержал. Ей пора привыкнуть и не обращать внимания. Будет легче, если она сможет обуздать свои чувства. Ведь она еще не вступила в права жены.

Миссис Саттон, конечно, была готова помочь его светлости. Нашла именно такое платье. Если мисс Шелли пожелает заглянуть в примерочную комнату, можно успеть сделать любые изменения к полудню.

– И все остальное, что у вас найдется и может подойти, – крикнул им вслед Эллиотт. – Утренняя одежда, дневная одежда, повседневная одежда. Багаж мисс Шелли пропал в результате несчастного случая.

Белла почти лишилась дара речи, когда вышла, однако Эллиотт был беспощаден и решительно повел ее в другие магазины. Ридикюль, туфли, перчатки купили без труда, однако магазин нижнего белья совсем другое дело.

– Нет, – выдавила Белла и встала, заметив кружева и кисею в витрине. Там не было нижнего белья, но она живо представила его. – Я не войду туда вместе с вами. Вы не по-

дождете здесь?

– Да, конечно. Но... – Эллиотт оставил ее и нагруженно-го лакея на улице и спокойно вошел в магазин. – Входите же, – сказал он, появившись в дверях. – Сэндерс, отнесите покупки в экипаж и велите кучеру заехать за мисс Шелли через полчаса. Я жду вас у «Королевского дуба». – Приподнял шляпу и удалился.

Белла не могла изливать свои чувства в присутствии лакея. Она поняла, что должна отбросить иллюзии, будто хорошо знает Эллиотта. Не стоит упрекать этого незнакомого мужчину за то, что он выбрал для нее столь интимные предметы одежды. Белла с трудом продолжала улыбаться, кивнула Сэндерсу и вошла в магазин.

Оказалось, Эллиотт всего лишь произнес слова *невеста, свадьба, все остальное* и покинул магазин. Через несколько минут Белла мысленно произнесла *возмутительно, расточительно и неприлично*.

– Это прозрачно, – возразила она, глядя поверх предмета нижней одежды, который держали перед ней. – И вообще, что это такое? – Она будет выглядеть безнравственно.

– Это ночная рубашка, мадам. Вот неглиже и подходящие по цвету тапочки. Мне кажется, это хорошее сочетание. И это тоже. Вот именно. Это очаровательно подойдет к цвету вашего лица, если позволите мне быть столь смелой. Милли, принеси мисс Шелли самое лучшее нижнее белье из индийского муслина. Смотри мне. Ах, и эта швейцарская вышивка

тоже подойдет. А теперь корсет.

Всякий раз, когда Белла хотела возразить, трем продавщицам было достаточно покачать головой и сообщить, что его светлость дал им четкие указания. Они не остановятся, пока не выполнят его волю.

– И носовые платки, – сказала продавщица. – Вот так. А теперь, мисс Шелли, мы упакуем все это. Не желаете чашку чая?

Стоило взглянуть на лицо Сэндерса: его нагроулили симпатичными упаковками и полосатыми картонками, перевязанными лентами. Ну и зрелище!

Эллиотт устроился в отдельной гостиной «Королевского дуба» с кружкой кофе в руках, на столике перед ним лежали сегодняшние газеты. Он тут же встал, когда она вошла.

– Арабелла, хотите кофе?

– Спасибо, нет. – Ей стало тошно от запаха кофе. – Мне чай, пожалуйста.

Белла делала вид, будто чувствует себя совершенно непринужденно, попивая чай в чужом городе в обществе мужчины, которого знает менее двадцати четырех часов, в модной шляпке, накануне визита к епископу. Комната поплыла перед ее глазами. Она сглотнула, собираясь с мыслями.

Глава 5

– Арабелла, все в порядке? – спросил Эллиотт. – Вы все купили?

– Да. Спасибо. – Белла не знала, как поступить, ответить вежливо или честно. – Я не могу отделаться от мысли, что сегодня утром было потрачено слишком много денег.

– Разве вам это не понравилось? – Он смотрел на нее поверх края кружки, и она не могла решить, забавляет его или раздражает ее безрадостное поведение.

– Что вы. – «У меня свой взгляд на подобное мотовство». Однако честность взяла верх. – Нет, мне понравилось. Почти все. Выбирать красивые вещи приятно. – Белла чувствовала, что краснеет. В уголках глаз Эллиотта собрались морщинки. Видно, ему нравилось, когда она краснела. Ее это расстроило. – Рейфа подобное тоже забавляло, – припомнила она и тут же стала серьезной.

– Разумеется, это лишь самое необходимое. Но мне кажется, вы пожелаете, чтобы *модистка* зашла к вам в Холл. Тогда вы сможете обсудить, что понадобится, когда... – он сделал неопределенный жест рукой, – когда изменится ваша фигура.

– Да, конечно. – Еще одна причина краснеть. Наверное, лучше всего отказаться от показной скромности. – Думаю, это случится очень скоро, однако мои вещи помогут скрыть

это.

В дверь постучали, и официант принес еду. Бутерброды, холодное мясо, сыр, фруктовый пирог.

– Вам следует основательно подкрепиться, – заметил Эллиотт, намазывая для нее хлеб маслом.

– Я знаю. Просто задумалась. – Белла положила себе цыпленка, повторяя, что ребенку нужна пища, а ей силы. До сих пор, слава богу, у нее не появился вкус к странной еде, которой увлекалась прачка Полли. Печально закончилась дегустация какого-то варева с медом.

Однако она знала, что мужчин такие женские дела не интересуют. Эллиотт был очень сдержан, даже когда говорил об утренней тошноте. Беллу выручило то, что она многие годы подавляла свои чувства и желания. Это помогло найти приемлемый поворот разговора.

– Кто будет на свадьбе?

– Кузина Дороти, двоюродная бабушка леди Абботсбери, если у нее хватит здоровья, а мой друг и сосед Джон Бейнтон станет шафером. – Тут Эллиотт нахмурился. – А кто станет вашим посаженным отцом?

– Мисс Дороти?

Эллиотт рассмеялся. Белла впервые услышала, что он смеется столь громко и заразительно, и сама невольно улыбнулась.

– Уверен, она будет в восторге от такой идеи. Но люди начнут еще больше сплетничать, если мы поступим столь ори-

гинально.

Взглянув на ее лицо, Эллиотт вдруг стал серьезным.

– Что случилось?

– Вы очень похожи на Рейфа, когда смеетесь.

Рейф смеялся часто. Все время, за исключением случаев, когда вдруг становился серьезным и пристально глядел на нее ярко-голубыми глазами. Белла тогда думала, что у него, должно быть, самые голубые глаза, пока не увидела глаза Эллиотта. Те были более голубыми, живыми, напоминали глубокий океан с холодными опасными течениями под теплой поверхностью.

– Мне жаль, но я, наверное, все время напоминаю его. – Эллиотт поджал губы, отрезал кусочек говядины и зачерпнул из оловянного горшочка изрядную порцию горчицы. Ей следует прекратить говорить об этом, ему вряд ли приятно все время выслушивать ее воспоминания о Рейфе.

– Отнюдь нет. Я привыкну к этому. Все дело в самодисциплине. Я забуду со временем опыт с Рейфом, – добавила она с грустью. Конечно, скоро ей хватит сил смотреть на него, не видя образа его брата, который, точно прозрачная маска, прикрывал лик Эллиотта. Ей придется запомнить, что это совсем другой мужчина. Мужчина, которому она может доверять, который не станет жестоко обращаться с ней. Белла должна верить ему.

– А тем временем я постараюсь не смеяться.

Сказал ли он эти слова с насмешкой или серьезно?

Придется угадывать его мысли, если она захочет стать хорошей женой.

– Благодарю вас, но в этом нет необходимости, – тихо сказала Белла, со страхом подумав, как много ей еще предстоит освоить. Хорошая жена, хорошая мать и хорошая виконтесса – три новые роли и серьезная опасность, что она может не раз споткнуться. Белла съела еще один кусочек хлеба. Она знающая, опытная хозяйка, так что в домашних делах опасности ее вряд ли подстерегали. Белла будет любить малыша и в этом может доверять своим инстинктам. Эллиотт подскажет, что делать, чтобы стать настоящей виконтессой. Но как стать хорошей женой мужчине, которого она не знает, не совершая грубых ошибок, не причиняя боли им обоим? Могла ли его вообще ранить ее неуклюжесть?

– Арабелла, вы поели?

– Да, спасибо. – Как долго она так сидит, погрузившись в свои мысли? – Наверное, уже пора нанести визит епископу?

– Да. – Эллиотт встал и протянул ей руку. – Просто сделайте реверанс, назовите его *милордом*, остальное предоставьте мне. Если он задаст какой-нибудь трудный вопрос, просто взгляните на меня влюбленными глазами, и я отвечу. Вы справитесь?

– Да. – Белла уже поверила, что Эллиотт именно тот человек, на которого можно опереться. Правда, не знала, удастся ли ей взглянуть на него влюбленными глазами. Следует помнить, для него это вопрос чести и долга, поэтому не следует

обременять его чувствами.

– Спасибо, милорд. – Белла сделала реверанс и взяла Эллиотта за руку. В другой руке он держал разрешение на венчание без церковного оглашения. «Скоро, – подумала она, – скоро, мое дитя, ты будешь в безопасности». Подавив желание отойти в сторону, точно в присутствии королевской особы, она вышла через дверь впереди Эллиотта, не произнеся ни слова, потому что рядом находились ливрейные лакеи, к тому же мимо шествовало какое-то духовное лицо с кипой бумаг.

– Все прошло очень хорошо, – заметил Эллиотт, когда они шли по зеленой лужайке за собором.

– Да, – согласилась Белла. К ее удовлетворению, епископ не удивился, когда прибыл лорд Хэдли, держа под руку женщину с покрасневшими глазами, в тускло-коричневатой одежде, и просил разрешение на венчание. Стало чуть легче на сердце. – Эллиотт, для вас это очень важно?

Он догадался, что она имеет в виду, сжал губы, что придало ему довольно грозный вид.

– Не более чем угрызения совести, которые мучили бы меня, если бы я не знал, что случится с вами и будущим ребенком. Арабелла, я уже говорил, это мой долг. Вам нечего беспокоиться. Я выполю его наилучшим образом.

Беллу угнетала мысль о том, что это не его долг. Все дело в его чувствах, но этот несчастный мужчина, видно, был готов

обсуждать что угодно, только не это.

– Нет, я не хотела... – заговорила она.

– Эллиотт! – Мужчина, переходивший лужайку, был одного с ним роста, но более смуглый, стройный и, судя по улыбке, более веселого нрава.

– Даниэль. – Эллиотт протянул руку, незнакомец радостно пожал ее, Белла заметила, как тот похож и на Эллиотта, и на Рейфа.

– Приятно видеть тебя на ногах после похорон. Кто бы мог подумать? Бедный Рейф умер в расцвете лет. Я все еще никак не могу поверить в это. Тебе очень трудно.

– Еще бы. Арабелла, позвольте представить вас моему кузену, мистеру Кэлну. Даниэль, это мисс Шелли.

Белла улыбнулась и пожала руку. Она сразу поняла, что оба дружны. Они обменялись взглядами, которые говорили красноречивее любых слов. Почему он сразу не сказал мистеру Кэлну, что им предстоит пожениться? Ведь чем больше родственников будет присутствовать, тем естественнее все пройдет. Конечно, она не горела желанием встречаться с ними. Возможно, Эллиотт подумал, что это смутит ее. Она коснулась ногой ботинка Эллиотта, и он взглянул на нее.

– А что, если у мистера Кэла завтра найдется свободное время?

– Разумеется. Видно, после разговора с епископом я совсем растерялся. – Эллиотт улыбнулся. – Даниэль, ты должен поздравить меня. Нам с мисс Шелли предстоит идти под

венец.

Настала тишина, кузен растерянно глядел на Эллиотта. У Беллы мелькнула мысль, что тот действительно удивлен. Тут он, похоже, взял себя в руки.

– Мой дорогой! – Мистер Кэлин хлопнул Эллиотта по спине и одарил Беллу лучезарной улыбкой. – Мои поздравления. Раз ты упомянул епископа Хантингфорда, должен ли я предположить, что церемонию венчания осталось ждать недолго?

– Да. Она состоится завтра. Отец мисс Шелли не одобряет этот союз, хотя и находится в преклонном возрасте. Дома у нее атмосфера стала накаляться, поэтому нам пришлось ускорить дела.

Белла крепче взяла Эллиотта за руку и тепло улыбнулась, стараясь выглядеть любящей невестой.

– Дорогой, а что, если мистер Кэлин сможет решить нашу проблему?

Услышав столь ласковое обращение, Эллиотт чуть приподнял брови.

– Какую, моя дорогая? – Уголки его губ дрогнули.

«Проблем так много», – подумала Белла, сдержав желание улыбнуться.

– Ну, кому-то все равно придется выдавать меня замуж.

– Разумеется. – Эллиотт улыбнулся, очевидно, она попала в точку.

– Даниэль, ты сможешь взять это на себя?

– Почту за честь! – Мистер Кэлин лучезарно улыбнулся обоим. Белла невольно улыбнулась ему. Эллиотт был доволен. Хотя бы один член этой семьи доволен. Веселый кузен ей понравился.

– Приходи на обед, – пригласил Эллиотт. – Венчание в три. Ты не останешься на ночь?

– Это было бы замечательно, если только новая хозяйка Хэдли не станет возражать. Я закончил дела в Вустере и возвращаюсь домой, а это далеко от Олд-Холла, очага семейства Хэдли, – пояснил он Белле. – Мне приятно отложить поездку. А теперь я хотел бы откланяться. Думаю, сейчас вы предпочтете остаться наедине. Эллиотт, увидимся вечером. До завтра, мисс Шелли. – Даниэль надел шляпу и ушел.

– Он очень приятен, – заметила Белла. Эллиотт молчал, и у нее сердце упало. Неужели она совершила ошибку, ведя себя слишком развязно? Они ведь еще не поженились. – Прошу прощения, – робко заговорила Белла. – Боюсь, я...

– Не надо извиняться, – бесцеремонно прервал ее Эллиотт. – Вы ведь больше не дочь приходского священника, а скоро вы станете виконтессой Хэдли.

Основная проблема заключалась в том, что она боялась возможных ошибок. А сейчас она разгневала Эллиотта. Нравится ему или нет, он для нее единственная опора во всем мире. Белла прикусила губу. Показалось, ей хватит сил лишь на что-то одно. Недовольный жених – это уж слишком. «Мужайся», – приказала она себе.

– Извините. – Эллиотт остановился и взглянул на нее. – Конечно, вы беспокоитесь. Даниэль хороший парень, к тому же оптимист. Иногда мне в голову приходит мысль, что даже в день Страшного суда он отпустит какую-нибудь остроту. Он юрист и много работает. Даниэль раздражал Рейфа, тому казалось, что он слишком серьезен и угрюм.

Белла услышала резкую нотку в голосе Эллиотта при упоминании о Рейфе. Хорошо, что он все-таки не сердится на нее. Она позволила ему взять себя за руку. Они двинулись дальше.

– Его отец, мой дядя Кларенс, умерший недавно, приходился единственным братом моему отцу. Его вдова до своей смерти в прошлом году жила в Лондоне вместе с двумя сестрами моего отца. Вы познакомитесь с ними, когда мы в следующем году поедem в Лондон.

– Вы не пригласите их к себе? – Вполне естественно представить новую жену членам семьи. – Или, может, нам стоит навестить их. – Белла опасалась такого поворота, но от долга не уйдешь. Во всех семьях с претензиями на аристократизм соблюдалась такая традиция – невесты должны наносить визиты. Пока они проходили средневековые ворота, Белла оглянулась, привлеченная розоватым камнем, который так выделялся на фоне алебастра и кирпичей Суффолка.

– Они редко выезжают. Я думаю, вы предпочтете окрепнуть, прежде чем встречаться с множеством капризных леди. – Эллиотт жестом остановил ее, когда с ними поравнялся

мужчина с полной корзиной лосося на голове. С корзины все еще капала речная вода. – Что же касается поездки в Лондон до конца года, думаю, городской особняк еще не приведен в надлежащее состояние.

Должно быть, отговорка. Эллиотт упомянул лондонский дом. Вряд ли он стал бы жить в запущенном доме. Наверное, не хотел показывать ее своим родственникам до тех пор, пока она не обретет некоторый блеск, присущий виконтессе. Или же стеснялся, ведь к тому времени ее беременность уже станет заметна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.